

К-304

1914 №23

Декабрь кн. 1

В е р а и р а з у м

P59 (24)

Въ нѣкоторыхъ книжкахъ № 22 журнала, по недосмотру переплетчика, не подклеенъ 2-й листъ (въ приложеніи) соч. Пр. Д. Попова: „Православно-христіанское ученіе объ истинной вѣрѣ и жизни“. Получившихъ книжку журнала безъ означеннаго приложенія просятъ заявить объ этомъ въ Епархіальную Типографію, для досылки приложенія.

41-III
659

Вѣра и Разумъ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1914.

№ 23.

ДЕКАБРЬ—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская ул., д. № 2.
1914.

Пісця вооумен.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI.

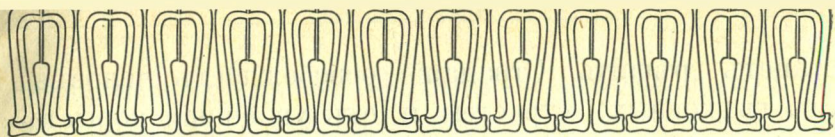
Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Декабря 1914 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Өоминъ.

ХАРЬКОВЪ

Издательство Типографіи Галицкой ул. д. 1.

1914

Р ѣ ч ь

Высокопреосвященнаго АНТОНІЯ,

Архієпископа Харьковскаго,

произнесенная при встрѣчѣ Государыни Императрицы
Александры Ѳеодоровны въ Харьковскомъ Каѳедраль-
номъ Соборѣ, 5 Декабря.

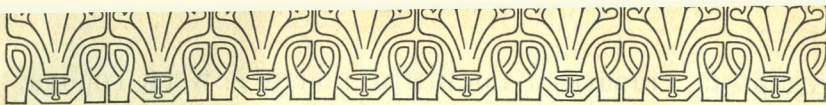
„Благочестивѣйшая Государыня! Вслѣдъ за Твоимъ Вѣнценоснымъ Супругомъ обходишь Ты многочисленные грады нашего отечества, сопровождаемая умиленнымъ восторгомъ народа; но не эти, хотя и весьма искреннія чествованія, побуждаютъ Тебя оставлять излюбленное Тобою уединеніе въ родной Семѣ: Тебя влекутъ по Россіи стоны раненыхъ, слезы страдалцевъ, утишить и осушить которыя спѣшишь Ты вмѣстѣ со Своими Царственными Дщерями. Великое дѣло явить любовь и ласку раненому страдалцу: больные люди—это тѣ же дѣти и подобно дѣтямъ нуждаются въ ласкѣ и утѣшеніи болѣе, чѣмъ въ лѣкарствахъ. Однако, такое сходство больныхъ съ дѣтьми вовсе не обозначаетъ какого-либо упадка въ ихъ умственной жизни: напротивъ, не напрасно сказалъ апостолъ Петръ, что страдающій плотью пере-

станетъ грѣшить. Страніе освобождаетъ человѣка отъ грѣховныхъ страстей и отъ увлеченія корыстолюбіемъ, тщеславіемъ и др. грѣхами, отъ которыхъ черствѣетъ человѣческое сердце и дѣлается замкнутымъ и недоступнымъ для дружелюбныхъ чувствъ. Сверхъ того, побывавъ передъ вратами смерти, раненый страдалецъ собственнымъ опытомъ познаетъ суетность и ничтожество всего земного, кромѣ той единственной цѣнности на землѣ, которая не оканчивается этою жизнью, но имѣетъ вѣчно торжествующее значеніе. Эта цѣнность и есть та безкорыстная любовь и смиренное сострадательное участіе, на которыя такъ чутко откликаются неиспорченныя дѣти и которыя вновь цѣнить научаются взрослые, испытавъ близость смерти и перенося страданія. Впрочемъ, не одни раненые цѣнятъ этотъ подвигъ любви, эту христіанскую ласку, съ которыми приходишь къ нимъ Ты и Твои юныя Дщери. Вѣдь, за нашими умирающими воинами сокрушаются и сердца всего русскаго народа, стоны раненыхъ ощущаются душами и всѣхъ здравствующихъ, и потому вся Россія, не чуждая и въ мирное время разумѣнія духовныхъ цѣнностей, въ настоящую годину испытанія признала ихъ почти въ той же степени, какъ и ея достолюбезные раненые страдалцы, осчастливленные Царскимъ привѣтомъ. Да, Россія знаетъ и чувствуетъ, что вмѣстѣ съ кровью ея сыновъ пролита и кровь Царская, кровь близкаго Родича ея Государя; Россія знаетъ, что среди ея дочерей, отдавшихъ себя на трудное служеніе раненымъ въ качествѣ сестеръ милосердія, состоятъ и Сестра ея Государя и Сестра ея Государыни; Россія знаетъ, что Царскія Дочери, изучивши дѣло ухода за больными, тоже трудятся въ столичныхъ лазаретахъ, а Сами Государь и Го-

сударыня стараются посѣтить почти всѣ тѣ города, гдѣ имѣется преимущественное скопленіе страдальцевъ-воиновъ.

Вотъ почему такъ неистощимо терпѣніе, такъ неодолима храбрость сыновъ Россіи, призванныхъ подъ воинскія знамена, вотъ почему такъ обильны сборы и жертвы мирныхъ сыновъ Россіи на военные нужды; вотъ почему такъ неудержимо стремленіе ея юношей вступить добровольцами въ ряды воиновъ; Россія видитъ и чувствуетъ, что въ Царской Семѣ осуществляются ея самыя святыя убѣжденія и взгляды на жизнь, когда Царственная Семья старается подражать Оному Сыну человѣческому, Который сошелъ къ людямъ не „да послужать Ему, но да послужить и дать душу свою за избавленіе за многи“.

Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи.

(Продолженіе *).

XLIV.

Эстетическое образованіе сердца съ христіански—нравственной точки зрѣнія.

Представленіе о прекрасномъ, развитіе котораго составляетъ предметъ *эстетическаго образованія сердца*, по своей внутренней сущности, весьма близко соприкасается съ понятіемъ о разумномъ, объ *истинномъ* и нерѣдко служить выраженіемъ послѣдняго. Идея красоты, вплетаясь въ наше мышленіе и проникая его собою, побуждаетъ насъ къ полнотѣ, цѣлостности и законченности знанія, къ изяществу внѣшней формы нашихъ мыслей, благодаря чему самая мысль пріобрѣтаетъ особенную выразительность и силу. Потѣсной связи своей съ понятіемъ о разумномъ, объ истинномъ, искусство, осуществляющее собою идею прекраснаго, еще въ древности называлось „учителемъ народовъ¹⁾“. Не уча насъ прямо, оно при посредствѣ художественныхъ формъ показываетъ намъ истину *in concreto*,—какъ предметъ нагляднаго созерцанія, являетъ ее намъ гораздо болѣе осяза-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 12 за 1914 г.

¹⁾ Мартенсенъ. „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 689.—Въ духѣ этого названія Платонъ говорилъ: „въ жизни, какъ въ статуѣ, всѣ части должны быть строго соразмѣрены“. Такова именно жизнь мудреца: „когда мудрецъ откроетъ уста свои, то изъ нихъ виднѣется красота души его, какъ изъ храма, когда откроютъ его двери, виднѣются красивыя статуи“. (И. К. „Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей“. Харьковъ, 1887 г.)

тельнымъ образомъ, чѣмъ наука, которая преподноситъ намъ истину in abstracto, въ формѣ общихъ отвлеченныхъ понятій, не для всякаго доступныхъ. Созерцаніе красоты въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ даже болѣе приблизить насъ къ истинѣ, чѣмъ чисто опытное или разсудочное теоретическое изслѣдованіе. Поэтому-то, напр., *Шиллеръ*—этотъ поклонникъ прекраснаго, философъ и поэтъ—отдаетъ эстетическому созерцанію истины рѣшительное предпочтеніе предъ ея теоретическимъ постиженіемъ. Всякій знаетъ, что можно заниматься рѣшеніемъ научныхъ вопросовъ, „касаясь ихъ лишь щупальцами холоднаго разсудка“, по выраженію *Ницше*. Имѣя это въ виду, Шиллеръ ставитъ идеаль, чтобы всякое знаніе „созрѣвало до красоты“, т. е. чтобы истина усвоилась не однимъ только холоднымъ умомъ чловѣка, но и всѣмъ его существомъ, чтобы она переживалась имъ въ себѣ, какъ переживается красота въ моментъ наслажденія ею¹⁾. Отсюда понятно, почему искусство можетъ давать познаніе истины большинству людей, между тѣмъ какъ наука служить только сравнительно меньшему кругу людей.

Принимая во вниманіе сказанное, можно дать слѣдующее опредѣленіе искусства: оно „есть“,—скажемъ словами преосвящ. *Амвросія*, архіепископа Харьковскаго,—„родъ душевной дѣятельности, въ которомъ людьми, особо одаренными, *идеи ума*, ясно сознанныя и усвоенныя сердцемъ, силою фантазіи, по законамъ изящнаго, воплощаются въ образахъ посредствомъ слова, или удобнаго для этого вещества“²⁾. Выходя изъ этого понятія объ искусствѣ, святитель опредѣляетъ цѣль его такимъ образомъ: „Силою красоты и ея впечатлѣній привлекать и прививать *истину* въ сердцахъ чловѣческихъ, такъ какъ, по слову Спасителя, только истина можетъ „освободить“ чловѣчество отъ заблужденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ пороковъ и недостатковъ (Іоан. 8, 32)³⁾; она же отражаетъ и всѣхъ враговъ чловѣческаго совершенства и преспѣянія, какъ молится Псалмопѣвецъ: „истиною Твоею потреби ихъ“ (Пс. 53, 7).

1) *Павелъ Левитовъ*. „Истина и красота“. „Вѣра и Разумъ“ 1904 г. № 11, стр. 425—426.

2) „О значеніи искусства въ дѣлѣ воспитанія и образованія“. „Вѣра и Раз.“ 1898 г., № 2, стр. 63.

3) Тамъ же, стр. 72.

Есть мыслители, которые утверждаютъ, будто бы удовольствіе, получаемое отъ созерцанія красоты, есть нѣчто *случайное*, не существенное для нашей природы, и искусство служить только къ тому, чтобы болѣе прочно и удобно закрѣпить то удовольствіе, которое доставляетъ намъ скоропроходящая красота природы ¹⁾. Но созерцаніе прекраснаго и восхищеніе красотою не есть явленіе случайное, а существенное и сродное нашему духу. О музыкѣ, напр., *св. Григорій Нисскій* прямо заявляетъ, что она „согласна съ нашимъ *естествомъ*“ ²⁾. Заявленіе это настолько характерно, что заставляеть предположить подобное же отношеніе и къ другимъ искусствамъ. Вѣдь, всѣ искусства такъ близки между собою по своей цѣли и самому источнику. А св. отецъ, какъ увидимъ ниже, и высказываетъ благопріятныя мысли объ источникѣ всѣхъ искусствъ, именно о *примышеніи* (какъ онъ своеобразно выражается), т. е. о творческой способности человѣческой души. „Почему“,—спрашиваетъ *Ульрици*, „способность созерцать прекрасное есть только у человѣка, но нѣтъ ея у животныхъ? Объясненіемъ этого служитъ то, что въ существѣ человѣка есть *влеченіе* къ прекрасному. Влеченіе это такъ же глубоко лежитъ въ природѣ человѣка, какъ и всѣ другія влеченія... Оно обнаруживается уже въ дѣтяхъ тѣмъ, что они любятъ наряжаться и съ удовольствіемъ смотрять на свою наряженную фигуру. У мужчинъ и женщинъ, у народовъ цивилизованныхъ и, такъ называемыхъ, дикарей влеченіе это обнаруживается также очень замѣтно“ ³⁾. Всякій призванъ принимать то или другое участіе въ

¹⁾ Потребность красоты, по мнѣнію подобнаго рода мыслителей, есть только свидѣтельство несовершенства нашей природы, и созданіе красоты, какъ прямо утверждаетъ *Мендельсонъ* (1729—1786) и непрямо намекаетъ *Кантъ*, не входило въ планы Божественнаго творчества. Особенно рѣзко выразилось презрѣніе къ красотѣ въ нашей литературѣ. Красота, по ученію *Чернышевскаго* и его послѣдователей, принадлежитъ къ кругу безполезнаго, ни для чего не нужнаго, составляющаго праздную забаву для праздныхъ людей (См. *Е. Амфиотровъ*. „Историческій обзоръ ученій о красотѣ и искусствѣ“. „Вѣра и Разумъ“. 1889, № 19, стр. 293—296; № 23, стр. 475—499; 1890 г. № 6, стр. 258.

²⁾ Творенія, т. II, стр. 13. Москва, 1861 г.

³⁾ *В. И. Голубинскій*. „Нравственная природа человѣка“. „Правос. Собесѣдникъ“. 1877 г. декабрь, стр. 610—611.

искусствѣ, стремящемся развить и удовлетворить чувство красоты, и если онъ не производитъ ничего въ этой области, то, по крайней мѣрѣ, наслаждается красою. Самый простой человѣкъ, если онъ не подавленъ совершенно житейскими инстинктами, своимъ умомъ и трудомъ немало жертвуетъ для красоты. И чѣмъ выше человѣкъ по своему развитію, чѣмъ менѣе подавленъ онъ физическою нуждою, тѣмъ болѣе жертвуетъ онъ для красоты, тѣмъ болѣе умственной и физической работы употребляетъ онъ для нея.

Самъ Богъ есть Высочайшая Красота ¹⁾. То же должно сказать и объ отраженіи этой красоты въ природѣ и искусствѣ. Творецъ назвалъ природу, какъ во всей совокупности, такъ и въ отдѣльных частяхъ ея „хорошою весьма“ (Быт. 1, 31), конечно, въ смыслѣ соотвѣтствія формы съ творческой идеей, или того, что составляетъ сущность прекраснаго въ художественномъ творествѣ, въ которомъ матерія преобразуется сообразно съ идеей прекраснаго и какъ бы одухотворяется, освобождаясь отъ своихъ грубо чувственныхъ свойствъ ²⁾. „Природа“,—говоритъ *Н. Иванцовъ*,—„великая и вѣчная вдохновительница художниковъ, и во всѣхъ нашихъ образахъ, во всѣхъ эстетическихъ переживаніяхъ предметовъ проявляется уже *врожденное*, безсознательное искусство“ ³⁾. Первымъ же „Высочайшимъ Художникомъ“ является, по словамъ *св. Іоанна Златоуста*, Самъ Творецъ природы—Богъ ⁴⁾, Который „всему видимому далъ надлежащій порядокъ и красоту“ ⁵⁾. Но Богъ не только Творецъ красоты, но и Первоисточникъ ея, и отъ Него получаютъ красоту, какъ сотворенныя Имъ вещи, такъ и самъ человѣкъ, по своей духовной природѣ имѣющій образъ и подобіе Божіе. „Любовь“,—говоритъ *св. Іоаннъ Златоустъ*,—„обыкновенно возбуждаетъ въ насъ слѣдующіе три предмета: или тѣлесная красота,

¹⁾ Ср. *Гр. Л. Толстой*, „Что такое искусство“. Москва, 1898 г. стр. 41.

²⁾ Красота извѣстнаго предмета именно и состоитъ въ томъ, что идея какъ бы просвѣчиваетъ сквозь его чувственную оболочку, такъ что онъ, оставаясь матеріальнымъ, въ то же время носитъ въ себѣ ярую печать духа.

³⁾ „Искусство и природа“. „Вопросы философіи и психологіи“. 1895 г. сент. 426 и дал.

⁴⁾ Творенія, т. IV, стр. 122. Спб. 1898 г.

⁵⁾ Творенія, т. IV, стр. 56.

или великое благодѣяніе, или любовь къ намъ другого. Каждый изъ этихъ предметовъ, самъ по себѣ можетъ воспламенить нашу любовь... Въ Богѣ же не одно только, но всѣ три совершенства можно видѣть въ такой высокой степени, что невозможно выразить ихъ словами. И во-первыхъ, красота этого блаженнаго и нетлѣннаго Существа неизъяснима, ни съ чѣмъ несравненна, превосходише всякаго слова и выше всякаго разумѣнія“ и т. д.¹⁾ „Кто не вѣруетъ въ Господа“—писать, *св. Василій Великій*,—„тотъ не близокъ къ природѣ истинной Красоты, и не пускается въ умозрѣніе о Ней. Ибо... только въ Божіемъ естествѣ познается *собственно прекрасное*, согласно съ Псалмомъ, въ которомъ сказано: „красотою Твоею и добротою Твоею“²⁾. Будучи Источникомъ красоты, Богъ научаетъ главному возбудителю красоты—искусству и людей. О нѣкоемъ Веселіилѣ, назначенномъ для художественнаго украшенія скиніи, отъ лица Самого Бога говорится Моисею: „Я исполнилъ его *Духомъ Божіимъ*, мудростію и всякимъ искусствомъ составлять искусныя ткани, работать изъ золота, серебра и мѣди, рѣзать камни для вставляванія и рѣзать дерево и дѣлать всякую художественную работу“ (Исх. 31, 1 и дал.). „Когда при Моисеѣ въ пустынѣ строилась скинія“,—говоритъ *св. Іоаннъ Златоустъ*—„то, безъ сомнѣнія, въ то время была нужда... въ дарѣ зодчаго, какимъ образомъ приготовить виссонъ, гіацинтъ, багряницу, порфиру. Богъ сообщилъ благодатный даръ—зодческій, даръ шивать и ткать, плавить золото, обдѣлывать камни и соединять ихъ“³⁾. И по мнѣнію *св. Григорія Нисскаго*, искусство ведетъ свое начало отъ Бога: „*примышленіе*“ (т. е. творческая сила человѣческаго ума),—говоритъ онъ,—„есть драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ благъ, данное Богомъ“, ибо въ книгѣ Іова гово-

¹⁾ Творенія, т. V, стр. 156.—Подобный же взглядъ на первоисточникъ красоты высказалъ и языческій философъ *Плотинъ*, слѣдовавшій въ этомъ случаѣ своему учителю *Платону* и въ свою очередь оказавшій вліяніе на такихъ великихъ отцевъ Церкви, какъ *Кириллъ Герусалимскій*, *Василій Великій* и *Григорій Богословъ*. (См. С. А. Ананьинъ. „Ученіе Плотина о прекрасномъ“. „Вѣра и Разумъ“. 1903 г., № 3, стр. 99. ср. 104).

²⁾ Творенія, изд. 3. ч. II. Москва 1891 г., стр. 192.

³⁾ Творенія, т. III, стр. 882 и дал.

рится, что Богъ „Самъ научилъ человѣка искусству и даровалъ женѣ—умѣнье ткать и *вышивать узоры*“¹⁾. Къ такимъ искусствамъ, происходящимъ, по мнѣнію св. отца, отъ Бога, т. е. отъ даннаго Богомъ для *примышленія* ихъ ума, Григорій Нисскій относитъ, очевидно, и живопись („узоры, вѣдь, не далеки отъ живописи), потому что на возраженіе, что человѣкомъ *примышляется* иногда и нѣчто негодное, даетъ отвѣтъ, что это уже злоупотребленіе дарованными отъ Бога способностями, которое возможно во всякомъ искусствѣ, въ томъ числѣ и въ живописномъ²⁾.

Будучи даромъ Божиимъ по своему существу, человѣческое искусство самымъ своимъ происхожденіемъ непосредственно обязано присущей религіозному чувству потребности искать своего выраженія во внѣшнемъ культѣ. Высшее призваніе искусства состоитъ въ томъ, „чтобы быть жрицею, которая въ образѣ прекраснаго повѣдаетъ народамъ тайны высшаго міра“³⁾. Но если искусство возникло и не изъ религіозныхъ, а чисто эстетическихъ потребностей человѣческаго духа, то во всякомъ случаѣ оно, какъ выражающее собою жизнь духовную, всегда находилось въ ближайшей связи съ религіей, какъ областію духовной жизни по преимуществу. Древнѣйшимъ очагомъ искусства была религія. Такъ было, напр., не говоря уже о восточныхъ народахъ древности, въ древней Греціи и Римѣ, гдѣ религіозныя вѣрованія нашли для себя самое совершенное выраженіе въ искусствѣ, почему оно считалось тамъ, какъ нѣчто священное. *Платонъ* называетъ поэта „*ἱερὸν πράγμα*“, „*ἱερὸν ἔργον*“⁴⁾. Поэтому *Геродотъ* могъ сказать о *Гомерѣ* и *Гезіодѣ*, что они создали греческихъ боговъ. *Горацій*⁵⁾ и *Овидій*⁶⁾ прямо приписывали себѣ „божественное“ воодушевленіе. Мысль о соприкосновеніи души поэта въ моментъ творческаго вдохновенія съ высшимъ трансцендентнымъ міромъ всегда предносилась сознанію человѣчества. Припомнимъ, напр., слова нашего безсмертнаго поэта (*Пушкина*):

¹⁾ Творенія, т. IV, стр. 336—337.

²⁾ Тамъ же, стр. 339.

³⁾ *Kahn*. „Kunst und Kirche“. Leipzig, 1865 г. s. 56.

⁴⁾ „Іонъ“ Платона, 534.

⁵⁾ *Carmina* Горація, lib. IV, c. 6, v. 29—30.

⁶⁾ „De art. amor“. Овидія, lib III, v. 549.

„Но лишь божественный глаголь
 До слуха чуткаго коснется,
 Душа поэта встрепенется,
 Какъ пробудившійся орелъ“.

Религіозный характеръ художественнаго вдохновенія признавался многими мыслителями, занимавшимися анализомъ творческихъ процессовъ въ поэзіи. Такъ, напр., проф. *Е. В. Амфитеатровъ* говоритъ по этому поводу, между прочимъ, слѣдующее: „Безъ особенной таинственной причины не можемъ объяснить себѣ возникновенія идеаловъ въ душѣ художника... При зачатіи художественныхъ идеаловъ, душу художника, особенно чуткую къ красотѣ, озаряетъ высшая божественная сила и при этомъ озареніи художникъ мгновенно усматриваетъ скрытый въ душѣ его божественный первообразъ вещи... Это возбужденіе къ развитію божественной идеи, при чемъ мы являемся не страдательными, а дѣтельными ея органами. Дѣло человѣка состоитъ здѣсь въ томъ, что при божественномъ внушеніи онъ умѣетъ начать нѣчто, въ пониманіи и развитіи чего дѣйствуетъ уже самостоятельно“ ¹⁾. Не свидѣтельствуетъ ли религіозный характеръ поэтического вдохновенія о самой тѣсной связи истиннаго искусства съ религіей, такъ что въ слѣдъ за упадкомъ религіознаго одушевленія неминуемо долженъ слѣдовать упадокъ искусства, что мы и видимъ въ наше время? ²⁾

Всѣ эти факты показываютъ, что созерцаніе красоты въ искусствѣ не только естественно, но можетъ оставаться чистымъ и святымъ. Послѣ всего вышеизложеннаго ясно, насколько состоятельна теорія, пытающаяся доказать, что искусство по самому своему существу будто-бы противоположно христіанству, и что первые христіане несочувственно относились къ нему, какъ къ чему-то грѣховному, Хотя эта теорія не нова (на ея почвѣ возникло древнее иконоборчество), однако на протестантскомъ западѣ и доселѣ говорятъ о той ненависти (*Kunst Hass*) къ искусству, которою будто-бы отличались многіе отцы Церкви. Правда, лучшіе знатоки исторіи христіанскаго искусства считаютъ эту ненависть не

¹⁾ „О существѣ и свойствѣ художественной дѣятельности“. „Прибавленія къ твореніямъ св. Отцовъ“, ч. XXV, стр. 518.

²⁾ Проф. *П. И. Линицкій*. „Объ искусствѣ“. „Труды Кіев. дух. Академіи“ 1905 г., сент. стр. 15.

болѣе какъ *басней* ¹⁾. Но слѣды разсматриваемой теоріи замѣтны даже во взглядахъ на этотъ предметъ нашихъ „неохристіанъ“, которые по адресу Церкви выражаются такъ: „искусство не можетъ быть святымъ въ *историческомъ* христіанствѣ“, ²⁾ т. е. будто-бы отвергается имъ какъ нѣчто предосудительное.

Несправедливость этой теоріи очевидна для всякаго. Созерцаніе прекраснаго въ природѣ, въ поэзіи и другихъ искусствахъ освящается христіанской религіей, если оно устремлено къ идеаламъ вѣчной красоты, которой преходящія красоты природы—только блѣдныя отраженія. Христіанинъ, по обѣтованію Господа, „ожидающій неизреченной красоты новаго неба и новой земли, въ которой обитаетъ правда“ (2 Петр. 3, 13), не можетъ равнодушно относиться къ тѣмъ прекраснымъ созданіямъ природы и искусства, которыя предвосхищаютъ, низводятъ, такъ сказать, съ неба на землю вѣчные образы красоты, являющіеся, такимъ образомъ, какъ бы золотую цѣпью, соединяющею небо съ землею ³⁾. Пусть при этомъ въ христіанинѣ всегда живетъ сознаніе, что настоящая жизнь не дастъ полной, совершенной красоты, что ея красота только преддверіе, ведущее къ иной, высшей красотѣ. Но „развѣ прихожая королевскаго дворца хуже хибарки нищаго? Развѣ подготовительныя работы истиннаго маэстро не въ тысячу разъ лучше, чѣмъ всевозможныя *tanstuch* плохого кропателя?“ ⁴⁾ „Пока исторія еще продолжается“,—пишетъ *Вл. Соловьевъ*,—„мы можемъ имѣть только частныя и отрывочныя предваренія (антиципаціи) совершенной красоты; существующія нынѣ искусства, въ величайшихъ своихъ произведеніяхъ схватывая проблески вѣчной красоты въ нашей текущей дѣйствительности и продолжая ихъ далѣе, предваряютъ, даютъ предощущать нездѣшнюю, грядущую для насъ дѣйствительность и служатъ, такимъ образомъ,

¹⁾ F. X. Kraus. „Geschichte der christl. Kunst“. Bd. I, с. 58.

²⁾ „Новый Путь“. 1903 г., мартъ, стр. 143 и дал.

³⁾ Э. Навиль. „Вѣчная жизнь“. Перев. свящ. проф. Н. Сергеевскаго. Москва. 1865 г., стр. 7.

⁴⁾ Fischer. „Der Glaube an die Unsterblichkeit nach seinem Einfluss auf das sittliche Leben“, s. 78.

переходомъ и связывающимъ звеномъ между красотою природы и красотою будущей жизни“¹⁾).

Понимаемое, такимъ образомъ, созерцаніе красоты въ природѣ и искусствѣ, не какъ пустая забава, а какъ дѣло весьма важное и назидательное для христіанина, не можетъ быть отвергаемо христіанствомъ.

Въ поискахъ за красотою, человѣкъ легко находитъ ее, прежде всего, въ природѣ, такъ какъ она повсюду разлита здѣсь. Потому-то древніе греки называли вселенную „*Kósmos*“, т. е. красотою. Какое умиленіе и какой восторгъ испытывала обуреваемая суетой и скорбями жизни душа св. Псалмопѣвца, когда онъ обрадовался къ созерцанію богосозданной красоты природы,—это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ его словъ: „Ты возвеселилъ меня, Господи, твореніемъ Твоимъ; я восхищаюсь дѣлами рукъ Твоихъ. Какъ велики дѣла Твои, Господи! дивно глубоки помысленія Твои!“—воскликаетъ Псалмопѣвецъ (Пс. 91, 5—6. Ср. Пс. 118, 28—29). Замѣчательно, что и св. подвижники любили избирать для своихъ подвиговъ такія мѣста, которыя отличались особенною красотою. Изъ множества свидѣтельствъ касательно этого можно указать для примѣра на письмо св. *Василія Великаго* къ св. *Григорію Богослову*, гдѣ первый съ восторгомъ описываетъ другу своему красоту избраннаго имъ для подвижнической жизни уединенія²⁾. Но есть у насъ примѣръ выше всѣхъ примѣровъ. Самъ Божественный Учитель нашъ—по слову пророческому, „прекраснѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ“ (Пс. 44, 3),—въ полевой лиліи усматривалъ такую красоту, въ какую не облекался даже Соломонъ въ дни величайшей славы своей (Мѡ. 6, 28—29). Любя красоту природы, Онъ училъ народъ на поляхъ, красовавшихся жатвою, при морѣ съ живописными видами,

1) „Общій смыслъ искусства“. Вопросы философіи и психологій“. кн. V (1890 г.), стр. 95.

2) И у всякаго смертнаго есть склонность искать и находить красоту въ природѣ и такъ или иначе любоваться ею. „Кто способенъ любить природу“,—говоритъ *Д. Леббокъ*,—„тотъ обладаетъ великимъ даромъ, и если онъ охладить въ своемъ сердцѣ это чувство или заглушить его, то неминуемо такъ или иначе будетъ страдать отъ этого... чувство любви къ природѣ служитъ большою опорой для нашихъ душъ“ (см. его „Успѣхи и радости жизни“. Спб. 1890 г., стр. 262).

охотно удалялся для молитвы на холмы и горы, и дивное преображеніе Его во время молитвы совершилось на одной изъ красивѣйшихъ горъ Палестины ¹⁾).

Не меньшую красоту усматриваетъ христіанство, точно также благословляя ее, въ произведеніяхъ поэзіи и другихъ искусствъ. Потому-то св. *Василій Великій* искусства, „необходимыя для жизни и служащія къ украшенію“ ея, считаетъ признакомъ „разумности“ и вообще высокаго достоинства природы человѣческой ²⁾).

Прекрасное въ поэзіи является въ псалмахъ и пѣснопѣніяхъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ, которыя суть истинно поэтическія созданія творчества, одушевляемаго Самимъ Духомъ Божиимъ. Христіанская религія, жаждущая царства Божія на землѣ, царства свѣта и добра, не можетъ не благословлять работы художественнаго слова, въ которомъ человѣческая жизнь достигаетъ наиболѣе полнаго своего изображенія, если только эта работа совершается въ духѣ завѣтовъ Евангелія. Потому-то ап. Павелъ, знакомый, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми греческими поэтами, читалъ ихъ произведенія и приводилъ изъ нихъ изреченія для своихъ боговдохновенныхъ цѣлей. Знаменитѣйшіе отцы Церкви, какъ напр., св. *Антоній Великій*, *Василій Великій*, *Іоаннъ Златоустъ*, *Ефремъ Сиринъ*, *Григорій Богословъ* и *Григорій Нисскій* нисколько не считали грѣхомъ знакомиться съ перлами эллинской поэзіи. Трое же послѣднихъ были даже сами поэты, изъ которыхъ св. Ефремъ и св. Григорій Богословъ писали настоящія стихотворенія, называемыя гимнами, а Григорій Нисскій равняется имъ по обилію художественныхъ образовъ и поэтическихъ сравненій, постоянно встрѣчающихся въ его твореніяхъ.

Прекрасное въ другихъ видахъ искусства точно также освѣщалось во все времена истинною религіею. Древній храмъ іерусалимскій былъ образцомъ зодчества и соединенныхъ съ нимъ искусствъ. По евангельскому сказанію, Иисусъ Христосъ возмущился духомъ при пророчесственномъ созерцаніи будущихъ развалинъ этого прекраснѣйшаго храма и плакалъ при мысли о предстоящемъ разрушеніи самого великаго

¹⁾ О созерцаніи красоты въ природѣ см. ст. *И. К. Гладкаго*, „Эстетическое созерцаніе природы“. „Вѣра и Разумъ“ 1913 г., №№ 5 и 6.

²⁾ Творенія, изд. 3, ч. II. Москва, 1891 г., стр. 91, ср. ч. VI, 1892 г., стр. 204.

града (Лук. 19, 41—44). Онъ же, по преданію, Самъ благоволилъ отобразить Ликъ Свой на полотнѣ, когда этотъ Ликъ не могъ быть воспроизведенъ искусствомъ живописца, давъ чрезъ это людямъ такое художественное произведеніе, которому въ живописи, конечно, не могло быть ничего равнаго. Религіозно — нравственную живопись признавали и одобряли св. отцы Церкви. *Св. Григорій Нисскій*, какъ мы видѣли, относилъ такого рода живопись къ искусствамъ, происходящимъ, по его мнѣнію, отъ Бога ¹⁾. Даже скульптуру, вообще не пользовавшуюся сочувствіемъ въ древнемъ христіанствѣ, признавали св. отцы и готовы были удивляться искусству ваятеля, когда онъ „изъ распадающейся глины могъ образовать невообразимую красоту художественнаго произведенія“ ²⁾. Въ христіанской Церкви, съ первыхъ временъ существованія принявшей нѣкоторыя изъ этихъ искусствъ подъ свое покровительство, все, по возможности, носить печать красоты: внѣшнее и внутреннее устройство ея богослуженія, ея обряды торжественные и печальные и проч.,—все исполнено св. поэзіи и высокой художественности. Конечно, много не поэтическаго вносится въ это исполнителями ея предначертаній и уставовъ; но это уже дѣлается не по ея винѣ, а вопреки ея желанію ³⁾.

Итакъ христіанство высоко цѣнить все истинно—*прекрасное*. Что сказалъ Спаситель, когда одна женщина, по всей вѣроятности, Марія, сестра Лазаря, во время вечери въ Вифаніи, въ домѣ Симона прокаженнаго, „приступила къ Нему съ алоастровымъ сосудомъ мѣра драгоценнаго и возливала Ему возлежащему на голову“ (Мѡ. 26, 7; Мрк. 14, 3; Іоан. 12, 3)? Ученики Его при этомъ „вознегодовали и говорили: къ чему такая трата? Ибо можно было бы продать это мѣро за большую цѣну и дать нищимъ“ (Мѡ. 26, 8—9). Господь же сказалъ имъ: „что, смущаете женщину? она доброе дѣло сдѣлала для Меня. Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою, а Меня не всегда имѣете. Возливъ мѣро

¹⁾ Творенія, т. VI, стр. 339.

²⁾ Ни у кого изъ отцевъ Церкви IV в. не встрѣчаемъ такихъ благосклонныхъ, *принципіально* характера, замѣчаній объ искусствѣ вообще, какъ у *св. Василія Великаго* и *св. Григорія Нискаго* (см. *Ив. С. Бачальдинъ*, „Изобразительныя искусства и св. отцы Церкви IV-го вѣка“. „Вѣра и Церковь“ 1902 г., кн. 10, стр. 675—677).

³⁾ Проф.-Прот. Н. Ѳтворовъ. „Очерки нравст. правосл.-христ. ученія“. Кіевъ, 1863 г. стр. 85—86.

сіе на Тѣло Мое, она приготовила Меня къ погребенію“ (Мѡ. 26, 10—12). „Въ поступкѣ Маріи мы видимъ“,—говорить проф. М. Д. Муретовъ,—„выраженіе поэзіи любви, безкорыстный даръ преданной до самоотверженія души, возвышенный порывъ охваченнаго восторгомъ чистой любви сердца. Она совершаетъ то же, что дѣлають люди, выражающіе восторгъ и поэзію своей любви въ прекрасныхъ эстетическихъ формахъ—великолѣпнаго храма, монумента, картины, статуи, музыки и под... Поэзія ея любви къ Богочеловѣку и Его идеаламъ, увлеченіе ея Его глаголами вѣчной жизни и единымъ на потребу выразились именно въ этомъ „прекрасномъ *ὄψις—καλὸν ἔργον*“, въ эстетикѣ намащенія Владыки вѣчной жизни драгоцѣннымъ и настоящимъ народнымъ мѣромъ, наполнившимъ весь домъ благовоніемъ“¹⁾.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что такія ненавистническія возраженія противъ искусства, какія вышли изъ устъ, напр., *Тертуллиана* ²⁾, составляютъ болѣе или менѣе частное мнѣніе весьма немногихъ изъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства, и притомъ увлеченныхъ монтанистическимъ аскетизмомъ. Если древняя Церковь въ лицѣ своихъ апологетовъ отъ чего отвернулась ³⁾, то только отъ того выродившагося античнаго искусства, служившаго интересамъ одной лишь грубой чувственности, какое она застала при своемъ появленіи въ мірѣ ⁴⁾. Такую же характеристику языческаго искусства (собств. живописи) даетъ ученый *Жуль Мартъ*. „Кажется“,—говоритъ онъ,—„что греко-римскіе живописцы не знали другихъ сюжетовъ, кромѣ любовныхъ. За рѣдкими исключеніями, ихъ міеологическія картины суть только чувственные и сладострастные анекдоты“⁵⁾. „Искусство у язычников“,—замѣчаетъ и *Катрейнъ*,—„было лишь заманчивой и увлекательной ге-

¹⁾ „Иуда предатель“. „Богослов. Вѣстникъ“ 1905 г., сент., стр. 42.

²⁾ De idolatria, с. 1 и 3.

³⁾ См. А. П. Голубцовъ. „Объ отношеніи христіанъ II—III столѣтія къ искусству“. „Богослов. Вѣстникъ“. 1903 г. окт. стр. 180—188.

⁴⁾ Характеризуя тогдашнее искусство, св. *Іоаннъ Златоустъ* замѣчаетъ: здѣсь „бѣсъ сидитъ въ нагомъ изображеніи. Истуканы изображаютъ то блудъ, то безумную страсть къ мужчинамъ... Вездѣ сладострастіе, вездѣ развратъ, вездѣ изображенія незаконныхъ кровосмѣшеній и неистовыхъ страстей“ (Творенія, т. V, стр. 333. Спб. 1899 г.).

⁵⁾ „Руководство къ этрусской и римской археологіи“. Перев. *Первова*. Москва. 1890 г., стр. 89—91; 95—98.

терой и служило, главнымъ образомъ, чувственности“¹⁾. Эти замѣчанія объ античномъ искусствѣ вполне подтверждаются археологическими раскопками Помпей и Геркуланума²⁾. Самого же по себѣ искусства или искусства въ его принципѣ Церковь не отвергала, наилучшимъ доказательствомъ чего является археологическій инвентарь катакомбъ, въ которыхъ она существовала въ эпоху гоненій. Изъ изученія этихъ христіанскихъ усыпальницъ ученые археологи вынесли то убѣжденіе,—какъ разъ въ противоположность мнѣнію нашихъ „неохристіанъ“ объ отверженіи историческимъ христіанствомъ классическаго искусства,—что древніе христіане и свои могилы любили украшать тѣми же мифологическими образами (цвѣтами, вѣтвями виноградной лозы, крылатыми геніями, дельфинами и пр.), какими украшались греко-римскіе памятники. Очевидно, они хотѣли вложить христіанское содержаніе въ эти античныя художественныя формы³⁾. Когда христіанская Церковь, по прекращеніи гоненій, получила право открытаго совершенія своего богослуженія, она намѣтила теперь задачу дать новое направленіе отживавшему свой вѣкъ классическому искусству, пересоздать его, очистить отъ языческихъ элементовъ и въ этомъ очищенномъ видѣ примѣнить къ своимъ богослужебнымъ потребностямъ. Та реакція всему языческому, которая была столь естественна для многихъ христіанъ въ пылу борьбы съ гонителями—идолопоклонниками, теперь ослабѣла. И то слишкомъ суровое аскетическое направленіе,—вслѣдствіе постояннаго ожиданія смерти въ эпоху гоненій,—которое препятствовало, конечно, свободному развитію и удовлетворенію эстетическихъ потребностей, по причинѣ наступившаго спокойствія, потеряло свою силу. Вслѣдствіе этого, въ разсматриваемое время явственно начинается расцвѣтатъ самостоятельное христіанское искусство⁴⁾. Первый

¹⁾ См. его „Вѣра и Знаніе“ въ переводѣ свящ. Н. Липскаго. „Вѣра и Разумъ“ 1914 г., № 16, стр. 493.

²⁾ См. В. Классовскій. „Помпея и открытыя въ ней древности“. Спб. 1856.

³⁾ См. нашу книгу: „Современное декадентство и христіанство“. Кіевъ, 1909 г. стр. 158.

⁴⁾ Ив. С. Бачальдинъ. „Изобразительныя искусства и св. отцы Церкви IV вѣка“. „Вѣра и Церковь“, 1902 г., кн. 9, стр. 526—527.

христіанскій императоръ—*св. Константинъ Великій* видимо способствовалъ развитію этого искусства ¹⁾.

Стоитъ только принять всё это во вниманіе, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что христіанство не только не отвергало истиннаго искусства, но и могущественно содѣйствовало усовершенствованію его во всѣхъ отрасляхъ. Оно открыло искусству новый міръ высшихъ идей и вдохнуло въ него новую душу и жизнь ²⁾. Совершенство древне-греческаго искусства состояло, главнымъ образомъ, въ умѣннѣ художника обращаться съ матеріаломъ, или въ технику, какъ это показываетъ и самое названіе его по гречески „τέχνη“. Греческое искусство отличается несравненною красотою, ясностію и законченностію внѣшнихъ формъ; но въ немъ всетаки не было того, что сообщаетъ искусству возвышенный характеръ. То, что оно изображало, есть лишь земное въ его идеальной формѣ. Христіанское же искусство представляетъ въ себѣ предчувствіе небеснаго, вѣчнаго, для котораго все земное и скоропроходящее есть только подобіе, а не самое проявленіе или осуществленіе его, какъ это предполагалось въ античномъ искусствѣ ³⁾. Въ самомъ содержаніи религіи Богочеловѣка, въ Которомъ „обитаєтъ вся полнота Божества тѣлесно“ (Кол. 2, 9), есть столько возвышенно—прекраснаго, что художественное творчество, стремящееся къ воспроизведенію идеальной красоты, всегда находило и будетъ находить въ немъ неисчерпаемый источникъ для созданій истиннаго искусства. Какъ благотворно было вліяніе христіанства на прогрессъ въ искусствѣ, это доказываютъ величайшія произведенія въ области священной поэзіи, живописи, пѣнія, музыки, скульптуры и архитектуры. Одни только храмы, созданные въ средніе вѣка и до сихъ поръ представляющіе собою прекрасные образцы архитектуры,—какое яркое свидѣтельство за то, что христіанство содѣйствовало процвѣтанію искусства! Римъ, Венеція, Миланъ и другіе города Италіи со своими прекрасными архитектурными со-

¹⁾ Сочиненія *Евсевія Кесарійскаго* въ русск. переводѣ. Спб. 1858 г., т. II. „Жизнь царя Константина“, кн. III, гл. 30—40, стр. 191—197; кн. IV, гл. 58, стр. 274 и др.

²⁾ См. *Aesthetik* Гегеля, изд. γ. Notho, 2 Aufl. 1842, Bd. 2, s. 70. и дал.

³⁾ *Лютардь*. „Апологія христіанства“. Перев. А. П. Лопухина. Спб. 1892 г., стр. 508—509. Ср. 953.

оруженіями, со своими богатыми музеями живописи и скульптуры—созданіями такихъ великихъ мастеровъ, какъ *Микель—Анжелло*, *Мурилье*, *Рафаэль* и др., до сихъ поръ являются тѣми мѣстами, гдѣ художники всей Европы заканчиваютъ свое художественное образованіе ¹⁾.

Всякое истинное искусство *нравственно*, потому что Богъ, отъ Которого оно происходитъ, есть не только абсолютная Красота, но и абсолютное Благо, а потому безнравственное искусство не можетъ быть истиннымъ искусствомъ. По *Платону*, нравственное благо есть красота, стоящая выше всякаго выраженія, красота вѣчная, несозданная и неисчезающая. Только созерцаніе *самой красоты*, по его мнѣнію, даетъ цѣну человѣческой жизни, и человѣкъ, которому дано было бы созерцать эту „чистую, простую и непримѣсную“ божественную *красоту*, долженъ былъ бы „порождать не образы добродѣтели, а истинную *добродѣтель*“ ²⁾. Такимъ образомъ, у Платона красота и добродѣтель нѣчто нераздѣльное. Это ученіе имѣло свой отголосокъ и въ ученіи древнихъ христіанскихъ писателей, видѣвшихъ въ Богѣ не только высшее Благо, но и высшую Красоту. Конечно, ученіе о *тождествѣ* добра и красоты есть преувеличеніе Платоновой этики, но въ этомъ воззрѣніи кроется та доля истины, что добро не можетъ быть непричастнымъ красотѣ. Красота служитъ наиболѣе достойною формою добра: „въ концѣ концовъ“,—говоритъ *Гюйо*,—„если можно отрицать, что прекрасное всегда бываетъ добрымъ, то нельзя отрицать того, что доброе всегда прекрасно“ ³⁾.

Но вопросъ объ эстетическомъ развитіи сердца гораздо глубже. Именно спрашиваютъ, въ какомъ отношеніи стоитъ эстетическое образованіе къ нравственному? Откуда возникаетъ въ нашей природѣ потребность эстетическаго образованія? Вышеупомянутый нами моралистъ-психологъ Ульрици выводитъ эту потребность изъ одного и того же нравственнаго чувства, изъ чувства долгаго. По его словамъ, „чувство *должнаго* говоритъ намъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ съ нравственной стороны, но въ этомъ чувствѣ данъ

¹⁾ *Кампейнъ*. „Вѣра и Знаніе“ „Вѣра и Разумъ“ 1914 г., № 16, стр. 494.

²⁾ *Plato*. Convivium, 201, 211—212 и др.

³⁾ *Dugau*. „La morale anglaise contemporaine“ Paris, 1885, d. 145.

только какъ-бы зародышъ этого или намекъ на это. Сила воображенія развиваетъ этотъ зародышъ или намекъ въ воззрѣніе или созерцаніе, которое наглядно представляетъ совершенное существо человѣка въ соответствующемъ ему совершенномъ явленіи, и такимъ образомъ дѣлаетъ доступною нашему воспріятію идеальную форму человѣка¹⁾. Это внутреннее созерцаніе красоты служитъ въ свою очередь нормою для созерцанія внѣшней красоты. „Человѣкъ“,—говоритъ Ульрици,—„только потому и сочувствуетъ прекрасному въ природѣ, что въ макрокосмосѣ міра явленій видитъ микросмосъ своего собственнаго существа и въ красотѣ природы созерцаетъ отображеніе своей собственной красоты. Изображеніе какого-нибудь ландшафта, животнаго или цвѣтка никогда не бываетъ художественнымъ, если оно служитъ только точною копіею того, что есть въ природѣ. Чѣмъ точнѣе отображается въ немъ природа, тѣмъ болѣе оно теряетъ красоты. Оно дѣлается художественнымъ произведеніемъ только въ томъ случаѣ, когда въ него привносится человѣческое ощущеніе, чувствованіе и волненіе и когда въ расположеніи и соединеніи частей отражается гармонія человѣческаго образованія частей. Другими словами: оно становится художественнымъ произведеніемъ только тогда, когда оно не просто только копируетъ природу, но истолковываетъ ее, т. е. изображаетъ ее такъ, что человѣкъ понимаетъ ее, чувствуетъ влеченіе къ ней, можетъ погружаться въ нее своею мыслию и какъ бы находить себя въ ней“. Вообще „въ основаніи всякой художественной дѣятельности“,—продолжаетъ тотъ же моралистъ-психологъ,—„лежитъ влеченіе къ изображенію, къ олицетворенію, а это влеченіе въ свою очередь основывается на стремленіи къ совершенству, возбуждаемомъ чувствомъ *должнаго*“²⁾. Отсюда естественно, что „подъ вліяніемъ прекраснаго, какъ замѣтилъ еще Платонъ, у насъ по преимуществу возбуждается сочувствіе къ доброму и истинному (Ср. Филип. 4, 8). Оно есть наилучшее средство къ тому, чтобы открывать нашу личность, наше сердце для всего добраго и истиннаго. Такое дѣйствіе производитъ прекрасное, съ одной стороны, потому,

¹⁾ В. И. Голубинскій. „Нравств. природа человѣка“. Перев. съ нѣмецк. „Правосл. Собесѣдникъ“ 1877 г., декабрь, стр. 626.

²⁾ Тамъ-же, стр. 616—617.

что масштабомъ и прототипомъ всякой красоты служить красота человѣческая, а съ другой — потому, что всякая красота требуетъ согласія формы съ содержаніемъ, явленія съ сущностію. Прекрасное становится для насъ прекраснымъ, возбуждаетъ въ насъ удовольствіе и любовь только тогда, когда оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ истинное и доброе, когда мы видимъ въ немъ не просто только прелесть формы, пріятныя для насъ линіи, цвѣта и движенія, но и совершенную законосообразность, цѣлесообразность и порядокъ, совершенное соединеніе частей въ одномъ цѣломъ, равно какъ и совершенное образованіе духа и характера, совершенство ума, воли и дѣятельности. Въ какой бы малой мѣрѣ ни были всѣ эти свойства въ данномъ явленіи, но они непременно должны быть въ немъ: иначе оно не будетъ казаться намъ прекраснымъ“ ¹⁾. Поэтому истинная красота должна состоять въ гармоніи нравственного совершенства съ его конкретнымъ воплощеніемъ, быть, по выраженію *Платона*, „сіяющимъ добромъ“ ²⁾. Только такая красота, представляющая собою синтезъ добра и соответствующаго ему художественнаго выраженія, есть дѣйствительное благо, только она, по выраженію *Θ. М. Достоевскаго*, „спасаетъ міръ“ ³⁾.

Отсюда уже открывается, что эстетическое развитіе сердца можетъ помогать нравственному нашему развитію. Ибо въ основѣ его лежитъ одно и то же стремленіе къ должному и нравственно совершенному; почему истинная красота формы производитъ всегда тѣмъ болѣе чарующее впечатлѣніе, чѣмъ болѣе высокое нравственное содержаніе скрывается за прекрасной оболочкой. Такъ именно всегда смотрѣли на красоту наиболѣе достойные ея служители. „Высшая цѣль искусства“, — говоритъ выдающійся англійскій эстетикъ и моралистъ, *Д. Рескинъ*, — „состоитъ въ томъ, чтобы дать намъ вѣрный образъ благороднаго человѣческаго существа“. Истинное назначеніе искусства онъ находитъ „въ подъемѣ нрав-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 130—131.

²⁾ Сочиненія *Платона*, переведенныя и объясненныя *Карповымъ*, ч. IV. „Пиръ“, стр. 207.

³⁾ Взглядъ *Достоевскаго* на нравственную пользу эстетическаго созерцанія изложенъ въ его статьѣ: „Г-бовъ и вопросъ объ искусствѣ“. Т. IX, ч. I. Спб. Изд. *Маркса*, 1895, стр. 44—87.

ественнаго состоянія людей“¹⁾. Уже въ томъ несомнѣнная заслуга истинно-прекраснаго, что оно приучаетъ человѣка чувствовать красоту добродѣтели и безобразіе порока. Эстетическое созерцаніе возбуждаетъ въ человѣкѣ любовь къ прекрасному и стремленіе къ подражанію и копированію его въ своей не виѣшней только, но и внутренней жизни. Съ другой стороны, эстетически развитой человѣкъ воспитывается въ себѣ отвращеніе ко всему безобразному и отвращается отъ всего уродливаго и низкаго. Эстетическое образованіе нерѣдко предохраняетъ человѣка отъ того цинизма, который такъ близко граничитъ съ безнравственностію.

Затѣмъ, созерцаніе прекраснаго способно освѣжать нашу душу, доставлять намъ самыя чистыя удовольствія, которыя укрѣпляютъ наши силы и, хотя на время, примиряютъ насъ съ печальною дѣйствительностію, съ пошлостію и суетою жизни человѣческой. Потому—то св. подвижники въ созерцаніи красоты природы почерпали силы для борьбы съ искушеніями грѣха или плоти. Едва ли былъ и есть такой человѣкъ, который никогда не находилъ бы подъ вліяніемъ этой красоты и не ощущалъ бы умиротворяющаго ея дѣйствія. Иногда испытывающему душевныя волненія достаточно бываетъ выйти на свѣжій воздухъ и пройти по зеленому полю и онъ, такъ сказать, вдыхаетъ въ себя тотъ міръ, который царствуетъ въ вообще прекрасномъ мірѣ Божіемъ, и въ это время самое ощущеніе бытія и жизни чувствуется имъ какъ счастье:

„Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ;
И въ небесахъ я вижу Бога,
И счастье я могу постигнуть на землѣ“.

(Лермонтовъ).

Нельзя не обратить вниманія еще на то, что красота смягчаетъ твердое каменное сердце, дѣлая его болѣе нѣжнымъ и чувствительнымъ. „Бываютъ минуты въ жизни“,—пишетъ Шиллеръ,—„когда мы готовы бываемъ прижать къ груди каждый цвѣтокъ, каждое отдаленное созвѣздіе, обнять

¹⁾ Лекціи его объ искусствѣ, читанныя въ Оксфордскомъ университетѣ въ 1870 году. Перев. Когана. Москва, 1900 г., стр. 27—48.

всю природу, какъ свою возлюбленную“ ¹⁾. Подъ вліяніемъ прекраснаго мы скорѣе сдѣлаемся способными къ любви и сочувствію, охотнѣе подадимъ милость нищему или простимъ обиду нашему ближнему. Искусство выдавливаешь слезы состраданія и жалости изъ глазъ эгоиста, никогда не плакаваго о другихъ. Освобождаясь въ эстетическомъ созерцаніи отъ вещественной дѣйствительности, мы отрѣшаемся отъ нашего собственнаго вещественнаго „я“. Въ насъ умолкаютъ личныя стремленія и интересы... Личное наше „я“, занятое обыденными интересами и преисполненное опасеній за собственное благополучіе, остается совершенно въ сторонѣ. Освободиться на нѣкоторое время отъ нашего любезнаго, но тягостнаго „я“, чувствовать облегченіе отъ удушающей тяжести и однообразной суеты, неотдѣлимыхъ отъ этого „я“, — вотъ истинное счастье, доставляемое эстетическимъ созерцаніемъ ²⁾. Искусство звѣря укрощаетъ и превращаетъ въ человѣка. „Поэтъ“, — говоритъ *Шекспиръ*, — „не даромъ сочинилъ, будто Орфей зачаровывалъ деревья, камни и потоки, потому что на свѣтѣ нѣтъ ничего настолько упорнаго, твердаго и свирѣпаго, чтобы на время не укрощалось музыкой“ ³⁾.

Эстетическія наслажденія могутъ быть благотворны для нравственности, наконецъ, и въ томъ отношеніи, что они объединяютъ людей, способствуютъ сознанію ими своего братства. „Искусство“, — говоритъ *Гюйо*, — „отвлекаетъ отдѣльное лицо отъ его собственной жизни, чтобы заставить его жить жизнью всеобщей“ ⁴⁾. Когда мы наслаждаемся образцовыми произведеніями искусства или любимся красотою природы, то въ это время „сознаніе нашего я въ эгоистическомъ смыслѣ совершенно отсутствуетъ и даетъ мѣсто — противоположнымъ влеченіямъ“ ⁵⁾. И это, конечно, потому, что предметы красоты

¹⁾ Переводъ *Н. В. Гербеля*. Спб. 1884 г., т. 3, стр. 398.

²⁾ *И. Фолькельта* „Современные вопросы эстетики“. Спб. 1899 г., стр. 28.

³⁾ „Венеціанскій купецъ“ I, 1. — „Эстетическое наслажденіе — это благодатный роздыхъ, перемиріе въ нашемъ внутреннемъ разладѣ; оно прекращаетъ въ насъ эту рознь, привлекая всѣ стороны нашего существа къ воспріятію того, что заключается въ художественномъ произведеніи“ (*В. Шербюлье*. „Искусство и природа“. Спб. 1894 г., стр. 34).

⁴⁾ „Искусство съ точки зрѣнія соціологін“. Перев. *А. Пытина*. Спб. 1891 г., стр. VII.

⁵⁾ *Боборыкинъ*. „Красота, жизнь и творчество“. „Вопросы философіи и психологін“, кн. 16, стр. 58.

доступны одновременно многимъ и не истощаются вслѣдствіе наслажденія ими ¹⁾).

Впрочемъ, надобно замѣтить, что одностороннее эстетическое развитіе сердца, или мысль (*Шиллера*) ²⁾ о томъ, будто эстетическое развитіе, оказывающее столь благотворное вліяніе на нравственность, можетъ замѣнить собою нравственное развитіе, заступитъ мѣсто воспитанія совѣсти, есть мысль ложная и опасная. Одно эстетическое образованіе безъ нравственного можетъ даже полагать великія опасности для добродѣтели и поставлять насъ въ противорѣчіе съ ней. На примѣрѣ это ясныѣ. Представимъ себѣ какую—либо сестру милосердія съ развитымъ эстетическимъ чувствомъ, но съ подавленнымъ чувствомъ нравственнымъ. Найдеть ли она достаточно силъ въ одномъ своемъ чувствѣ для совершенія высокаго нравственного подвига, будучи обязана въ холерномъ баракѣ, среди нечистотъ и грязи, въ тиши и незамѣтно для всѣхъ, ухаживать днемъ и ночью, съ рискомъ для своей жизни, за больнымъ, пораженнымъ отвратительной болѣзнію! Ея развитое чувство прекраснаго не возмутитъ ли всю природу ея противъ отвратительныхъ симптомовъ болѣзненности порученнаго ей больного! Конечно, могутъ замѣтить, что мы должны развивать въ себѣ не одно только чувство прекраснаго, но и чувство высокаго, которое есть видъ прекраснаго и которое возвышаетъ насъ надъ чувственнымъ міромъ, приводитъ къ сознанію духовной сущности нашей и среди бѣдственности этой жизни ставитъ насъ выше всякой бѣдственности. Но стоически возвышенные идеалы, на которые ссылается *Шиллеръ*, будутъ ли достаточны въ данномъ случаѣ для того, чтобы успокоить волнуемое и оскорбляемое чувство красоты? Вообще же не надо забывать, что во многихъ случаяхъ чувство высокаго тоже можетъ стоять

¹⁾ *Павелъ Левитовъ*. „Дѣйствіе прекраснаго на душу“. „Вѣра и Разумъ“ 1903 г. № 17, стр. 237.

²⁾ *Е. Амигитеатровъ*. „Историческій очеркъ ученій о красотѣ и искусствѣ“. „Вѣра и Разумъ“ 1889 г., № 24, стр. 529—553.—Ученіе *Шиллера* объ эстетическомъ нравственномъ воспитаніи изложено въ слѣдующихъ его сочиненіяхъ: „Письма объ эстетическомъ воспитаніи челоувѣка“, „О нравственномъ приложеніи эстетическихъ обычаевъ“, „О возвышенномъ“, „О граціи и достоинствѣ“, „О наивной и сентиментальной поэзіи“ и „О театрѣ, разсматриваемомъ, какъ нравственное учрежденіе“.

въ противорѣчїи съ требованїями добродѣтели. То, что приковываетъ нашъ духъ въ эстетически высокому, есть сила, обнаруживающаяся въ немъ безъ всякаго отношенїя къ нравственному направленїю и нравственной дѣятельности этой силы. Великіе характеры, создаваемые фантазіей драматурговъ и вообще поэтовъ, представляемые историческими личностями новаго и стараго времени, распространяють вокругъ себя блестящїй свѣтъ и окружаются имъ какъ ореоломъ. Но во всѣхъ великихъ личностяхъ, историческихъ и вымышленныхъ, есть односторонности и недостатки: возвышенная энергія ихъ духа является съ примѣсю грѣха и страсти. А въ этомъ и лежитъ опасность признавать нравственно добрымъ то, что въ эстетическомъ отношенїи удивительно, но въ моральномъ отношенїи должно быть порицаемо,—именно опасность создать свою собственную мораль по этимъ эстетическимъ образцамъ. И какъ много есть людей, которые въ своемъ восхищенїи эстетически возвышеннымъ и великимъ приводятся въ морали къ ложному геніальничанью, антїномизму, признанїю своихъ прямыхъ обязанностей ничтожными, мелочными, филистерскими, какъ они выражаются, вмѣсто того, чтобы просто быть честными или вѣрными своему долгу и призванїю ¹⁾!

Чрезмѣрное пристрастіе къ эстетическимъ наслажденїямъ обыкновенно изнѣживаетъ человѣка, расслабляетъ его душу, дѣлаетъ ее неспособной къ серьезному труду, къ подвигу, безъ которыхъ невозможна никакая добродѣтель. По словамъ Гюйо, такое „расслабляющее дѣйствіе искусства часто было наблюдаемо на народахъ, которые, слишкомъ упражняя свои способности созерцанїя и воображенїя, теряють иногда свою способность дѣйствїя“ ²⁾. Но самая главная опасность чрезмѣрнаго увлеченїя красою, въ ущербъ нравственности, заключается въ томъ, что оно приучаетъ человѣка оцѣнивать явленїя не по ихъ внутреннему содержанїю, а по внѣшнему виду. Все прекрасное, хотя бы подъ его блестящею мишурою скрывалось нравственно злое, имѣетъ оправданїе въ себѣ самомъ, заслуживаетъ уваженїя и преклоненїя; все же некрасивое, само по себѣ, достойно пори-

¹⁾ Мартенсенъ. „Христ. ученїе о нравственности“ т. II. стр. 55—56.

²⁾ „Искусство съ точки зрѣнїя соціологїи“, стр. 349.

цанія и уничтоженія. Отсюда, порокъ, прикрытый несоотвѣтствующею ему изящною оболочкою, какъ бы оболъщаетъ человѣка и очаровываетъ его и притомъ гораздо болѣе, нежели суровая, часто непривлекательная на видъ добродѣтель ¹⁾.

Эстетическое образованіе, такимъ образомъ, само по себѣ, независимо отъ его внутренняго нравственнаго содержанія, не сообщаетъ еще намъ нравственныхъ силъ и можетъ стоять въ глубокомъ противорѣчій съ нашей добродѣтелью, какъ это ясно доказали еще древніе греки—великіе поклонники красоты и въ то же время не менѣе великіе антиномисты ²⁾. Вопреки платоническому вѣрованію, нельзя полагаться на одно эстетическое образованіе въ той надеждѣ, что, увидѣвъ и полюбивъ прекрасное, человѣкъ и самъ сдѣлается лучше и внутренне станетъ прекраснѣе. Опытъ показываетъ, что, видя и любя прекрасное, человѣкъ самъ можетъ быть безобразнѣе собственныхъ своихъ произведеній. Сдѣлать самого человѣка прекраснымъ такъ же трудно, какъ образовать изъ куска крѣпкаго мрамора прекрасную статую ³⁾.

Итакъ, тѣсная связь эстетическаго развитія съ нравственнымъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Безспорно, въ эстетическомъ есть и долженъ быть моментъ моральный. Все дурное въ моральномъ смыслѣ, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ некрасивымъ и съ эстетической точки зрѣнія. Воровство, пьянство, грубый развратъ, ложь, трусость, шпионство и т. п. одинаково отвратительны, какъ для нравственнаго, такъ и для эстетическаго чувства. Когда въ какомъ-либо произведеніи искусства наносится оскорбленіе нравственному чувству, то чрезъ это разрушается и то эстетико-гармоническое впечатлѣніе на душу, которое должно быть произведено истиннымъ искусствомъ, чуждымъ всякой нечистоты и грязи. *Чистота и цѣломудріе* есть необходимое требованіе, вытекающее изъ сущности самого искусства, и если правда, что искусство тѣсно связано съ чувственностію, то послѣдняя

¹⁾ *Павель Левитовъ*. Цитир. статья, стр. 246—247.

²⁾ Изъ твореній *Лактанція*. Перев. *Е. Карнеева*. Спб. 1848 г., ч. I, стр. 364.

³⁾ Полное собраніе проповѣдей *Амеросія*, архіепископа Харьк. Т. II. Харьковъ, 1902 г., стр. 167—168.

все-таки должна быть подъ господствомъ духа ¹⁾. Конечно, искусство—не мораль въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Въ противоположность взгляду гр. *Л. Толстого* на искусство ²⁾, послѣднее не только служить нравственному благу людей, но преслѣдуетъ и чисто эстетическія цѣли. Но когда, съ другой стороны, мы слышимъ отъ современныхъ намъ декадентовъ ³⁾ заявленія, что нравственность не должна имѣть никакого отношенія къ эстетикѣ или, по ихъ терминологіи, къ теоріи „чистой красоты“, которая будто бы только одна имѣетъ реальное значеніе, и потому нравственныя разсужденія совершенно неумѣстны въ эстетической критикѣ; то мы должны рѣшительно протестовать противъ такихъ заявленій ⁴⁾.

Очевидно, послѣ всего этого, христіанинъ долженъ быть разборчивъ въ отношеніи къ искусствамъ вообще. Правильная оцѣнка достоинства извѣстныхъ произведеній искусства не всякому доступна, или вѣрнѣе, доступна лишь получившимъ эстетическое образованіе; но каждый можетъ отличить истинно прекрасное отъ мнимо прекраснаго по самому дѣйствию на душу его тѣхъ или другихъ созданій искусства. Характеръ же этого дѣйствія, благопріятный или неблагопріятный, опредѣляется, какъ качествомъ порождающей ихъ творческой дѣятельности художника, такъ и степени нравственнаго развитія созерцающихъ художественныя произведенія. Большой знатокъ искусства—*Д. Рескинъ* говорить: „Искусство руки—безусловно точный показатель нравственнаго уровня самого художника, а во вторыхъ...—показатель нравственнаго уровня той націи, къ которой художникъ принадлежитъ“ ⁵⁾.

Искусство можетъ имѣть глубоко-нравственное значеніе, даже не разрабатывая прямо вопросовъ морали. Надобно только, чтобы міръ иной лучшей дѣйствительности, въ который вводитъ нашу душу творческое вдохновеніе худож-

¹⁾ Rothe. „Theologische Ethik“, zw. Aufl. Bd. 5. Wittenberg 1871, s. 135—136.

²⁾ См. „Что такое искусство“. Вып. I, стр. 70—75.

³⁾ См. нашу книгу: „Современное декадентство и христіанство“, стр. 62 и дал.

⁴⁾ Обстоятельно сказано объ отношеніи эстетическаго образованія къ нравственному въ „Исторіи нравственности“ проф. *М. А. Оленичкаго*, ч. I, Кіевъ, 1882 г., стр. 250—268.

⁵⁾ „Лекціи по искусству“, стр. 81.

ника, былъ наполненъ чистыми и свѣтлыми образами и затрагивалъ въ нашей душѣ однѣ высокія, лучшія ея стороны, будилъ только хорошее, честное, высокое и прекрасное. Такимъ образомъ, назидательность искусства, его нравственное значеніе вполне обуславливается нравственною личностію художника. Только люди болѣе или менѣе нравственные могутъ быть творцами дѣйствительно художественныхъ произведеній искусства. Какъ *Создатель* дивной красоты природы есть Богъ благой и совершенный, такъ и творецъ подлинно художественныхъ произведеній человѣческаго искусства, по своимъ нравственнымъ качествамъ, долженъ по возможности уподобляться „Высочайшему Художнику“¹⁾, отъ Котораго онъ получилъ свой даръ. „Чтобы достигнуть созерцанія прекраснаго и божественнаго, всякій человѣкъ“,—говоритъ *Плотинъ*,—„долженъ сдѣлаться прекраснымъ и божественнымъ“²⁾. Трудъ людей, производящихъ безнравственныя произведенія искусства, по мнѣнію св. *Іоанна Златоуста*, достоинъ осужденія, такъ какъ обнаруживаетъ безнравственность самихъ художниковъ³⁾. Чѣмъ болѣе безнравственное искусство служить грубой чувственности, тѣмъ болѣе оно становится въ противорѣчіе съ своимъ собственнымъ благороднымъ источникомъ происхожденія. Поэтому только тотъ дѣлается истиннымъ художникомъ, кто очищаетъ и возвышаетъ свою собственную душу, чтобы на ея струнахъ находили себѣ отголоски тѣ звуки, которые приходятъ изъ міра идеаловъ и напоминаютъ намъ о томъ, что за предѣлами дисгармоніи этого міра существуетъ гармонія вѣчнаго бытія⁴⁾.

Въ тѣсной связи съ *моральностію* творческой дѣятельности истиннаго художника стоитъ и другое ея свойство—*вѣрность* нравственно-психологической правдѣ. Истинный художникъ, гдѣ только это сообразно съ содержаніемъ его произведенія, нравственныя явленія изображаетъ такъ, какъ они есть, т. е. въ ихъ истинности,—изображаетъ не какой-либо другой нравственный міропорядокъ, какъ именно дѣйстви-

1) Св. *Іоаннъ Златоустъ*. Твор. т. IV, стр. 122.

2) С. А. *Ананій*. „Ученіе Плотина о прекрасномъ“. „Вѣра и Разумъ“. 1903 г., № 3, стр. 101. Ср. № 2, стр. 48.

3) Творенія, т. VI, стр. 23, т. VII, стр. 239.

4) *Лютардъ*. „Апологія христіанства“. Перев. А. П. *Лопухина*. Спб. 1892 г., стр. 511.

тельный¹⁾. Поэтому, если извѣстный живописецъ *Ге* на своей картинѣ: „Что есть истина?“ изображаетъ Иисуса Христа, какъ говорить *Гнѣдичъ*, „озлобленнымъ преступникомъ“²⁾, то онъ такимъ недостойнымъ изображеніемъ Его не только оскорбляетъ нравственно-религіозное чувство, но и унижаетъ самое искусство *подмѣною идеи и подлогомъ въ формѣ*, вопреки исторической правдѣ.

Но всякій художникъ по своимъ внутреннимъ качествамъ, въ значительной мѣрѣ, есть продуктъ той среды, къ которой принадлежатъ созерцатели его произведеній. Поэтому, если художникъ, желающій служить нравственной пользѣ людей, долженъ быть человѣкомъ по возможности нравственнымъ, то на все нравственно чистое и возвышенное въ его произведеніи могутъ отозваться только люди болѣе или менѣе нравственно развитые. Художественное изображеніе, напр., чувства милосердія можетъ быть понятно и можетъ возбудить именно это чувство только въ людяхъ сколько-нибудь милосердныхъ³⁾. „Искусству“, — говоритъ *Д. Рескинъ*, — „долженъ предшествовать надлежащій нравственный уровень людей; безъ него не можетъ быть искусства. Но разъ оно уже приобрѣтено, уже существуетъ, — его обратное дѣйствіе возвышаетъ самый уровень нравственности, изъ которой оно само произошло, и, главное, сообщаетъ восторгъ другимъ умамъ, которые въ нравственномъ отношеніи уже способны подчиниться его дѣйствію“⁴⁾. И только такіе люди способны правильно оцѣнить истинную красоту искусства и наслаждаться ею:

„Будь несолнеченъ нашъ глазъ—

Кто бы солнцемъ любовался?

Не живи духъ Божій въ насъ—

Кто бъ божественнымъ плѣнялся?“

(*Жуковский. „Мысли“*).

Прот.-проф. Н. Стеллецкій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ *Мартенсенъ*, т. II. стр. 690.

²⁾ „Исторія искусствъ“. 1897 г. т. III, вып. 2, стр. 487.

³⁾ Свящ. *Е. Викторовскій*. „Искусство и мораль въ ихъ взаимномъ отношеніи“. „Странникъ“ 1910 г., февраль, стр. 220.

⁴⁾ „Лекціи по искусству“. стр. 73.

Война и миръ.

I.

Беликая война, происходящая въ настоящее время, охватила собою какъ бы пожаромъ всю Европу и готова переброситься—и перебросилась уже—въ другія части свѣта. Европейская война можетъ обратиться со временемъ въ мировую войну. Не дай Богъ, конечно, этого! Отъ искры, брошенной злодѣйскою рукою Германскаго Императора Вильгельма, запылала и пылаетъ теперь, какъ мы видимъ, всеобщимъ пожаромъ войны вся Европа. Какъ бы и что бы ни говорили про Вильгельма въ этомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ онъ является, съ религіозной точки зрѣнія (а съ этой именно точки зрѣнія мы и хотимъ освѣтить вопросъ о войнѣ и мирѣ въ настоящей статьѣ своей), орудіемъ Промысла Божія для народовъ Европы и всего міра.

Несомнѣнно, всякая война есть послѣдовательное зло въ этомъ земномъ мірѣ человѣческомъ, пока онъ не очищенъ еще совсѣмъ отъ господствующихъ въ немъ повсюду зла и грѣха, пока добро и святость не вошли въ него, какъ въ губку вода, и не пропитали его окончательно и всецѣло своимъ составомъ. „Услышите—такъ говорилъ Христосъ Спаситель Своимъ ученикамъ незадолго предъ Своими страданіями—о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежитъ всему тому быть... Возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство, и будутъ глады, моры и землетрясенія по мѣстамъ..., будутъ предавать васъ на мученія и убивать васъ; и вы будете ненавидимы всѣми народами за имя Мое“ (Матѣ. XXIV, 6—7; 9—10). Вотъ роковое и неизбѣжное въ мірѣ человѣческомъ явленіе войны со всѣми ея ужасами и тѣми или иными тяжелыми послѣд-

ствіями, какое приходится теперь наблюдать всѣмъ людямъ на свѣтѣ! Оно, это явленіе, всеобще роду человѣческому и распространяется повсюду. Оно замѣчается какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ и въ Новомъ. Оно было отъ начала міра и пребудетъ, по слову Спасителя, до конца его: ибо, по слову Его же, „Сынъ Человѣческій, приидеъ, обрящетъ-ли вѣру на земли“ (Лук. XVIII, 8)? И до тѣхъ поръ, пока вѣра въ Иисуса Христа, какъ Сына Божія, будетъ находиться въ оскудѣніи у людей, пока будутъ господствовать на землѣ невѣріе и беззаконіе, какъ причины охлажденія любви въ людяхъ и возрастаніе въ нихъ ненависти (Матѣ. XXIV, 12), до тѣхъ поръ и война, какъ неизбѣжное и всеобщее зло въ мірѣ, будетъ продолжаться на землѣ, какъ среди отдѣльных лицъ, такъ и среди цѣлыхъ государствъ и народовъ.

Но если всякая война, и тѣмъ болѣе міровая, какъ мы сказали, является теперь неизбѣжнымъ зломъ и несетъ съ собою всякаго рода ужасы для воюющихъ сторонъ, выражающіеся въ массовомъ истребленіи людей усовершенствованными военными орудіями, въ большомъ количествѣ больныхъ и раненыхъ воиновъ, возвращающихся назадъ въ свое отечество съ полей бранныхъ, то, съ другой стороны, война является въ то же время добромъ для нѣкоторыхъ народовъ, принимая во вниманіе именно промыслительное дѣйствіе Божіе въ отношеніи къ міру вообще и къ тому или иному народу въ частности. Смотря на войну съ религіозной точки зрѣнія, какъ на одно изъ орудій этого промыслительнаго дѣйствія Божія, нельзя въ этомъ, конечно, никому изъ насъ сомнѣваться. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе, наприм., на нашъ русскій православный народъ и посмотримъ, что произошло въ немъ за послѣднее время, за эти четыре мѣсяца веденія имъ войны съ тремя народами.

Намъ, конечно, неизвѣстно внутреннее состояніе людей, да и никому иному не можетъ быть извѣстно оно точно и хорошо, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ самомъ человѣкѣ, по Слову Божію (1 Кор. II, 11); но мы думаемъ, что не ошибемся, если скажемъ, что это внутреннее, религіозно-нравственное состояніе русскаго народа за послѣднее преимущественно время поднялось значительно, сравнительно съ прежнимъ его состояніемъ.

Какъ видно изъ хода всеобщей исторіи, мирное завое-

ваніе нѣмцами нашего края, какое они предприняли въ этомъ отношеніи еще давно и, можетъ быть, подготовили уже въ нѣкоторой степени до послѣднихъ военныхъ событій, разразившихся надъ нашими головами, не удалось провести и осуществить до конца. Мы разумѣемъ здѣсь именно *штундизмъ*, основанный на югѣ Россіи и особенно распространившійся у насъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Онъ такъ и назывался у насъ: *южно-русскій штундизмъ*; но болѣе точно и правильно его назвать нужно: *нѣмецкій штундизмъ*. Мы не говоримъ уже здѣсь о нѣмецкихъ колоніяхъ на западѣ Россіи вблизи границы съ Германіей и Пруссіей. Вся эта затѣя, веденная, безъ сомнѣнія, умѣлыми руками нѣмцевъ и тонко рассчитанная на искаженіе и вытравленіе вѣры въ сердцахъ простыхъ русскихъ людей, нашихъ безграмотныхъ мужичковъ-крестьянъ, не удалась и провалилась окончательно. Русскій народъ въ массѣ своей остался въ религіозномъ отношеніи вѣрнымъ предкамъ своимъ, которыхъ еще при св. равноапостольномъ Князѣ Владимірѣ нѣмцы хотѣли склонить на свою сторону. Онъ сохранилъ вѣру въ Бога, вѣру въ православіе, завѣщанное ему святыми отцами, свято и нерушимо. Онъ остался, по милости Божіей, такимъ же глубоко и искренно вѣрующимъ народомъ, какимъ былъ прежде. Если за послѣднія десятилѣтія эта вѣра нѣсколько и пала у него и образовалась въ видѣ примѣсей нѣмецкой и вообще чужестранной вѣры, если въ средѣ его за то же самое время и нашлись нѣкоторыя лица, которыя обращались, въ случаѣ сомнѣнія въ дѣлѣ вѣры, за разрѣшеніемъ своихъ вопросовъ не къ Православной Церкви, какъ источнику вѣры Христовой, а къ другимъ самоизмышленнымъ кладезямъ вѣро-и-правовученія человѣческаго, то, повторяемъ, въ большинствѣ своемъ русскій народъ умѣлъ удержать и сохранить у себя цѣлымъ и невредимымъ зерно истины вѣры Христовой, умѣлъ отличить его отъ щелухи разныхъ примѣсей и заблужденій нѣмецкихъ и другихъ національностей.

То Богоискательство, которое широкой струей разлилось по всему лицу русской земли за послѣднее тоже время и нашло себѣ мѣсто преимущественно въ интеллигентномъ классѣ нашего общества, разрѣшилось теперь, по всей вѣроятности, въ благопріятномъ смыслѣ на поляхъ бранныхъ,

когда сошлись лицомъ къ лицу не два, а нѣсколько великихъ народовъ, когда грянулъ военный громъ—и перекрестился на него уже не простой только мужикъ, а и интеллигентный баринъ.

Да, великая Европейская война, безпримѣрная въ лѣтописяхъ нашей исторіи, высоко подняла духъ вѣры въ русскомъ народѣ и возгрѣла его до высокой степени воодушевленія религіозно-патріотическихъ чувствъ, породивъ безчисленное количество примѣровъ разныхъ геройскихъ подвиговъ солдатъ и мирныхъ жителей въ странѣ нашей! Этотъ духъ несомнѣнно сказался еще до веденія войны, когда еще ходили только смутные слухи о приближеніи ея къ намъ. Этотъ духъ сказался, затѣмъ, ярко и сильно въ самый моментъ возникновенія ея на нашей почвѣ, во время сборовъ на войну, при такъ называемой частной и всеобщей мобилизаціи въ нашей странѣ. Мы видѣли, съ какимъ воодушевленіемъ откликнулся на эту войну весь нашъ народъ, отъ верхнихъ краевъ его и до нижнихъ; мы знаемъ, съ какою горячею вѣрою въ Бога и преданностію Помазаннику своему пошли на войну тѣ, кому слѣдовало идти на нее.

Этотъ духъ сказался весьма явственно во время самой войны. Мы знаемъ, во что вылился онъ у Христолюбивыхъ воиновъ нашихъ, сражающихся на полѣ брани съ врагами нашими. Онъ вылился въ горячую вѣру въ Бога, которую исполнены сердца воиновъ, начиная съ генерала и кончая солдатомъ, и въ твердую надежду на Бога и дѣйствительную помощь Его, какъ откликъ на такую именно живую и спасительную, однимъ словомъ, побѣдоносную вѣру (1 Іоан. V, 4). Такое религіозное состояніе, свойственное нашему православному всероссійскому воинству, особенно рельефно запечатлѣно въ одномъ изъ послѣднихъ извѣщеній отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго русской арміей, въ которомъ отмѣчена слѣдующая, отрадная для души каждого русскаго православнаго человѣка, вѣсть: „побѣдой нашей мы обязаны неизсякаемой милости Господа Бога къ сверхгеройству нашихъ чудо-богатырей“.

Этотъ духъ вѣры, наконецъ, сказался и сказывается весьма живо въ нашихъ полевыхъ и городскихъ лазаретахъ—въ этихъ учрежденіяхъ любви и милосердія человѣческихъ,

въ которыхъ нашли себѣ пріютъ и тихое пристанище современные наши бѣдные лазари, наши мужественные страдалцы—воины, уходя за которыми отмѣченъ въ высшей степени духомъ христіанской вѣры и любви со стороны врачей, сестеръ милосердія, санитаровъ и другихъ лицъ изъ русскаго общества, принадлежащихъ къ разному словію и возрасту и такъ или иначе причастныхъ къ этому высоко-гуманному и христіански-полезному учрежденію. Глядя на эти, современные намъ, учрежденія, въ громадномъ количествѣ красующіяся теперь повсюду въ нашей обширной Россіи и отмѣченныя краснымъ крестомъ на бѣломъ фонѣ, посѣщая по временамъ находящихся въ нихъ больныхъ и раненыхъ воиновъ, невольно приходишь къ той мысли, что и самое названіе свое—*лазареты* они получили, вѣроятно, отъ имени приточнаго Евангельскаго *Лазаря*, этого бѣднаго, больного и нищаго человѣка, который при жизни своей на землѣ „воспріялъ злое“, послѣ же смерти своей „отнесенъ былъ Ангелами на лоно Авраамово“ и тамъ „утѣшался“ (Лук. XVI, 20, 25). Не то же ли самое происходитъ и съ нашими героями-воинами, съ нашими страдалцами-мучениками, являющимися, по выраженію церковнаго устава, „подобнопострадавшими“¹⁾ св. Іоанну Крестителю? Итакъ, несомнѣнно, война многому научила русскій православный народъ въ его религіозной вѣрѣ, составляющей существеннѣйшую стихію его жизни!..

Но если война много сдѣлала для народа нашего въ отношеніи *религіозномъ*, то еще болѣе сдѣлала она для него въ отношеніи *политическомъ*. Область религіозная, какъ извѣстно, внутренняя область и скрытая отъ постороннихъ взглядовъ человѣческихъ. Здѣсь, въ этой области, больше всего открыто, какъ мы сказали, самому духу человѣческому, живущему въ человѣкѣ. Но, вѣдь, духъ религіи, духъ вѣры Христовой, приходитъ, по Слову Божію, свыше, отъ Бога. Только „рожденное отъ Духа есть духъ“ (Іоан. III, 6). „Духъ“ же „дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ: такъ бываетъ со всякимъ, рожденнымъ отъ Духа“ (Ів. ст. 8), со всякимъ истинно вѣрующимъ человѣкомъ. Вотъ почему вѣра является

¹⁾ См. Уставъ церковнаго поминаенія воиновъ, творимаго 29 августа.

по преимуществу индивидуальнымъ чувствомъ, свойственнымъ каждому человѣку въ той или иной степени. Вотъ почему моменты возрожденія людей въ вѣрѣ, обновленія ихъ ума и сердца, бываютъ обыкновенно неуловимы и неощутимы для нихъ такъ же, какъ, напр., неуловимъ и неощутимъ былъ моментъ возрожденія для тайнаго ученика Христова Никодима, приходившаго ко Христу Спасителю ночью и бесѣдовавшаго съ Нимъ о тайнѣ царствія Божія (Іоан. III, 1—22).

Такое именно возрожденіе и обновленіе религіозное можетъ быть, конечно, вездѣ и во всякое время: и въ мирное, въ городахъ и селахъ, и въ военное, на поляхъ брани, на поляхъ побѣды или пораженія. Но въ военное время, предъ лицомъ смерти, раскрывающей свою пасть и готовой похитить въ видѣ иногда безчисленныхъ жертвъ съ обѣихъ сторонъ изъ сражающихся армій,—въ военное время, думаемъ, такіе моменты бываютъ весьма часты. Но кто повѣдаетъ ихъ намъ и можемъ ли мы знать ихъ съ достаточною ясностію? Здѣсь многое покрыто мракомъ неизвѣстности и является неразгаданнымъ и сокрытымъ на вѣки въ глубинахъ духа человѣческаго. Здѣсь, если мы и трогаемся и восхищаемся примѣрами религіозной вѣры изъ геройской жизни простого солдата нашего, то обыкновенно не даемъ себѣ яснаго отчета въ этомъ. Съ другой стороны, эти примѣры, замѣченные нѣкоторыми изъ насъ, какъ рѣдкіе и исключительные, въ массѣ своей затериваются совсѣмъ и пропадаютъ, не производя того впечатлѣнія, какое они могли бы произвести, если-бы были обнаружены во-время и обнародованы во всеобщую извѣстность.

Не то происходитъ, сказали мы, въ другой области, въ области политической или, точнѣе, политически-гражданской и общественно-государственной жизни русскаго народа. Здѣсь, какъ совершающаяся извнѣ жизнь нашего народа, поставленнаго на свѣщницѣ, „да свѣтитъ всѣмъ“,—и своимъ, и чужимъ,—„иже въ храминѣ суть“ (Матѣ. V, 15),—здѣсь, говоримъ, все бываетъ ясно, и свѣтло, и прозрачно.

Что-же можно было замѣтить за послѣднее преимущественно время въ теченіи этой жизни? Нормальна-ли была вообще эта жизнь? Увы! Многаго, конечно, требовала она для исцѣленія и обновленія своего. И вотъ, это обновленіе

и исцѣленіе пришло къ намъ съ той стороны, о которой мы, можетъ быть, и не думали совсѣмъ. Оно пришло къ намъ со стороны войны, которая была для насъ въ этомъ отношеніи истиннымъ благомъ, а не зломъ.

Что представлялъ собою до войны русскій народъ въ общемъ своемъ составѣ? Онъ представлялъ собою какъ бы большой лагерь людей, въ которомъ находилась смѣсь племенъ и нарѣчій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣсь взглядовъ и убѣжденій. Понятное дѣло, эта смѣсь и пестрота, эта множественность и разнообразіе, должны были весьма ярко отразиться на единомъ составѣ Россійской Имперіи. Нечего грѣха таить: единенія и сплоченности разнороднаго состава населенія въ нашемъ отечествѣ не было замѣтно и раньше. Но отсутствіе его особенно ясно сказалось въ послѣднее время, когда, по волѣ Государя Императора, была учреждена, около десяти лѣтъ тому назадъ, какъ называемая Государственная Дума и преобразованъ былъ совершенно на иныхъ началахъ существовавшій раньше Государственный Совѣтъ. На сколько партій и разныхъ кружковъ раздѣлился тогда единый по вѣрѣ и политикѣ русскій народъ,—и не перечесть! А сколько мнѣній и убѣжденій, сколько рѣчей и преній изшло за все это время со стороны засѣдающихъ въ нижней и верхней палатѣ депутатовъ нашихъ, г.г. членовъ Государственной Думы и Государственного Совѣта! Всего этого нельзя даже вмѣстить въ многотомныя книги.

Говорятъ, что изъ преній возникаетъ истина и изъ разнообразія голосовъ и, вообще, мнѣній и убѣжденій человѣческихъ выносятся твердая и непоколебимая увѣренность въ истинѣ. Все это такъ, конечно. Но вотъ что непонятно и загадочно: въ той же Государственной Думѣ и въ томъ же Государственномъ Совѣтѣ неоднократно поднимался вопросъ, такъ называемый, національный. Сколько разъ говорили тамъ о томъ, что наше отечество, единое по идеѣ и задачѣ своей и множественное по составу своему, слѣдуетъ раздѣлить и раздробить на разные отдѣльные и самостоятельные куски, изъ которыхъ состоитъ оно теперь, что понятіе всего русскаго должно какъ бы разойтись и разлиться въ понятіи всего иностраннаго, населяющаго нашу обширную Имперію,—что колоніи иностранцевъ, насаждаемыя на русской почвѣ, нисколько не вредны для русскаго элемента,—что любовь

къ отечеству, любовь къ національному нисколько не противорѣчитъ любви къ чужестранному, любви къ интернаціональному! И недавно еще, подъ вліяніемъ этихъ рѣчей, раздававшихся оттуда, во имя яко бы блага государственнаго, на самомъ же дѣлѣ страшнаго зла народнаго, проповѣдывались и устроались всюду забастовки въ нашемъ отечествѣ, проводились взгляды и мнѣнія, отъ которыхъ приходилось жутко русскому человѣку и отъ которыхъ приходилось ему открещиваться всячески.

Но вотъ грянулъ военный громъ,—и русскіе люди какъ бы замерли на мгновеніе отъ ужаса, охватившаго все ихъ существо. А потомъ? Потомъ они сознали и почувствовали умомъ и сердцемъ бѣду, постигшую ихъ отечество,—и всѣ отъ мала до велика прониклись глубокою любовью къ этому послѣднему. Забыты были всѣ раздоры и нестроенія, царившія до того времени въ нашемъ отечествѣ; забыты были распри и раздѣленія гражданъ его на различныя партіи и кружки, господствовавшіе въ немъ въ послѣднее преимущественно время. Съ возникновеніемъ у насъ войны люди какъ будто стали жить иною политическою жизнію, совсѣмъ не похожею на предшествующую ихъ жизнь. Самая война, предпринятая противъ насъ германцами, была, можетъ быть, однимъ изъ послѣдствій этого именно внутренняго раздѣленія гражданъ нашего отечества, этого несогласія ихъ въ политическихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ и происходившаго отсюда броженія умовъ и сердецъ русскихъ людей, весьма ясно выразившагося въ послѣднее время въ забастовкахъ и другихъ разнаго рода безпорядкахъ.

Какъ только почувствовалась общая опасность, грозившая всему нашему отечеству, такъ сейчасъ же всѣ граждане его стали какъ бы одинъ человѣкъ на стражу его спасенія, заговорили однимъ языкомъ, стали думать одною думою. Куда дѣвалось прежнее ихъ несогласіе и раздѣленіе въ этомъ отношеніи? Оно исчезло, какъ туманъ передъ утренней зарей, съ лица русской земли, такъ исчезло, что и слѣдовъ отъ него не осталось никакихъ. Люди явились крѣпко спаянными между собою одною общею любовью къ отечеству. Во имя этой любви сколько жертвъ принесено уже русскимъ народомъ на алтарь отечества! А сколько еще го-

товится быть принесенными туда же, для того, чтобы спасти его отъ дерзкаго поползновенія враговъ, посягнувшихъ на цѣлость и благоденствіе его! Всѣ мелкія и обыденныя заботы русскихъ людей оставлены и забыты были совсѣмъ, все ихъ вниманіе поглощено и сосредоточено теперь только на томъ, чтобы поскорѣе дать отпоръ врагу нашему, сражающемуся съ нами въ лицѣ трехъ народовъ.

Когда мы увидали воочію такую переменъ, происшедшую съ народомъ нашимъ, когда мы увидали такое, поистинѣ, великое чудо надъ народомъ нашимъ, мы невольно умилились сердцемъ. Да и теперь еще не можемъ совершенно очнуться и придти въ себя отъ воспоминанія о томъ, что творилось у насъ раньше, до войны, и что творится сейчасъ, во время войны. Когда же подумаешь и сообразишь о томъ: неужели теперешнее, столь знаменательное и истинно патріотическое, настроеніе русскаго народа, замѣчаемое во всѣхъ его слояхъ и классахъ, пройдетъ когда либо мимо и исчезнетъ совсѣмъ послѣ войны? Неужели русскій народъ возвратится опять къ тому образу мыслей и чувствъ, который былъ имъ столь явственно обнаруженъ въ предшествующій періодъ до войны? Да не будетъ этого съ нимъ никогда! Дай Богъ, конечно, чтобы русскій народъ единымъ умомъ и единымъ сердцемъ мыслить и чувствовалъ и впредь свое историческое призваніе, понималъ и разрѣшалъ требованія политическихъ его задачъ и цѣлей! Дай Богъ, чтобы онъ говорилъ всегда въ этомъ случаѣ однимъ языкомъ, языкомъ безгранично преданной любви къ отечеству, выражающейся, впрочемъ, не въ однихъ только словоизліяніяхъ! Дай Богъ, чтобы онъ руководился также при этомъ *дѣломъ и истиною* (1 Іоан. III, 18)! Дай Богъ, чтобы та внутренняя спайка, которая слила нашъ многочисленный и многосоставный народъ русскій во единый по убѣжденію и настроенію народъ, никогда не ослабѣвала и не разрывалась въ связяхъ своихъ, пребывая всегда крѣпкой и сильной и на будущее время, по окончаніи войны! Вотъ искреннее благопожеланіе всѣхъ патріотовъ родной земли! Вотъ глубокое молитвенное чувство, охватывающее всѣхъ русскихъ людей въ настоящее время!...

Не на *религіозную* только и *политическую* область русскаго народа оказала вліяніе современная великая война.

Нѣтъ, она оказала также вліяніе и на *бытовую* его область! Мы разумѣемъ здѣсь именно *вопросъ о трезвости*, который занималъ столь долгое время умы всѣхъ благомыслящихъ людей и который, къ великому утѣшенію ихъ, разрѣшился столь быстро и неожиданно въ послѣднее время.

Пьянство, какъ порокъ, считалось и считается всегда зломъ, котораго нужно избѣгать всячески, отъ котораго нужно лѣчиться и противъ котораго нужно принимать какія-либо экстренныя и чрезвычайныя мѣры, для того, чтобы не содѣйствовать въ его распространеніи среди того или другого народа, а противодѣйствовать и сокращать до минимума. Наша страна Россія находилась въ этомъ отношеніи издавна въ особыхъ, какъ бы привилегированныхъ, условіяхъ и занимала въ питейномъ вопросѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ великихъ странъ міра. Такъ ужъ сложилось въ ней изстари: *веселіе пити* было веселіемъ славянскимъ, свойственнымъ натурамъ широкимъ и глубокимъ. Зло пьянства, конечно, чувствовалось и сознавалось всѣми русскими людьми, но не всѣми ими одинаковымъ образомъ. Какъ бытовое именно явленіе, оно замѣчалось въ нашей странѣ отовсюду: и со стороны Церкви, и со стороны Государства.

Церковь, какъ учрежденіе Божественное, имѣющее въ виду главнымъ образомъ устроеніе Царства Божія, и здѣсь—на землѣ, и тамъ—на небѣ, постоянно вооружалось противъ порока пьянства. Она боролась съ нимъ силою пастырскаго слова, основаннаго на Словѣ Божіемъ. А это послѣднее говоритъ, что „пьяницы царства Божія не наслѣдуютъ“ (1 Кор. VI, 10).

Совершенно другой взглядъ имѣло на тотъ же самый предметъ наше Государство, которое до сихъ поръ шло въ этомъ отношеніи инымъ путемъ, нежели св. Церковь. Государство, какъ извѣстно, взяло на откупъ винную монополію, предоставивъ себѣ всю матеріальную выгоду отъ этого предпріятія. Предпріятіе оказалось очень заманчивымъ и привлекательнымъ: въ государственную казну полились милліоны, наживаемые отъ потребителей водки. А что же дѣлалось въ это время съ нашимъ простымъ по преимуществу и крестьянскимъ народомъ? Онъ пьянствовалъ во всю и разлагался нравственно и физически.

Въ послѣднее время устроено было по этому поводу даже какъ бы соревнованіе между Церковію и Государствомъ. Тогда какъ первая основывала и благословляла общества трезвости, устраивала праздники трезвости или особые дни, въ которые выходила она съ крестнымъ ходомъ на площади, приглашая своихъ чадъ воздерживаться отъ вина и, вообще, соблюдать трезвость,—второе, т. е., государство открывало все болѣе и болѣе винныхъ лавокъ, соблазняя, такимъ образомъ, и заманивая туда своихъ покупателей изъ среды того же простого и крестьянскаго народа. Такъ продолжаться дѣло отрезвленія и дѣло опьяненія Русскаго народа дальше не могло, безъ ущерба для духовнаго и физическаго его существа.

И вотъ, мы видимъ, какъ бы пронесшейся въ видѣ огненнаго метеора надъ нашей бѣдной землей, войну, которая отрезвила русскій народъ окончательно, хотя и наложила на него свою тяжелую руку въ другихъ отношеніяхъ. Правда, война въ торговопромышленномъ и въ экономическо-финансовомъ отношеніи много вырвала у насъ матеріальныхъ средствъ, которыхъ придется намъ, вѣроятно, затратить еще не мало въ будущемъ на успѣшное окончаніе ея; но за то, съ другой стороны, война дала намъ изъ среды гражданъ русской земли воиновъ-героевъ, „чудо-богатырей“, которые, благодаря именно всецѣлой трезвости своей, и могли совершить такіе великіе „сверхгеройскіе“ подвиги, которымъ мы удивляемся и восхищаемся и „которыми въ правѣ гордиться вся Россія¹⁾“.

Государство, сознавъ свою прежнюю ошибку, спѣшитъ теперь какъ бы исправить ее. Намъ извѣстно уже распоряженіе правительства о повсемѣстномъ запрещеніи на время военныхъ дѣйствій продажи не только водки, но и всякаго вина вообще. По окончаніи же войны, дѣло отрезвленія народнаго, думаемъ, пойдетъ еще быстрѣе и дружнѣе: ибо съ производствомъ и съ продажей водки, какъ слышно и какъ предначертано это пока въ проэктѣ, будетъ рѣшено окончательно въ отрицательномъ смыслѣ. Такъ легко сравнительно и благопріятно разрѣшается въ наши дни великій и жгучій современный вопросъ о трезвости, за и противъ

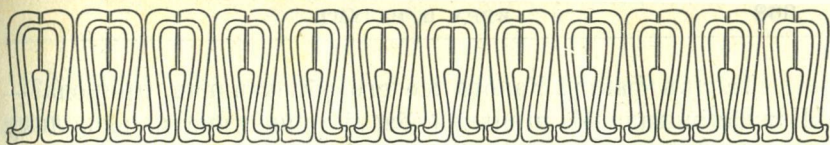
¹⁾ Изъ донесенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго относительно побѣды подъ Вислой и Варшавой.

котораго стояло и работало столько головъ и умовъ. Правда, этотъ вопросъ разрѣшается здѣсь, какъ мы видимъ, нѣсколько насильственнымъ или принудительнымъ образомъ; но иначе его, по нашему мнѣнію, разрѣшить нельзя: потому что, если для насъ, людей интеллигентныхъ и образованныхъ, людей понимающихъ и оцѣнивающихъ всякое зло съ религіозной точки зрѣнія, представляется иногда совершенно невозможнымъ освободиться отъ него безъ борьбы и безъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ мѣропріятій со стороны Церкви и Государства, то что-же сказать намъ про нашъ простой, въ большинствѣ своемъ еще темный и невѣжественный народъ русскій,—народъ увлекающійся и поддающійся всякаго рода искушеніямъ и соблазнамъ въ нравственномъ отношеніи, если ему предоставить въ этомъ случаѣ полную свободу дѣйствій? Не будетъ-ли это свобода служить для него, по слову Апостола, „прикрытіемъ еще большаго „зла“ (1 Петр. II, 16)?...

Свящ. Д. Ромашковъ.

(Окончаніе будетъ).

Основы вѣры и знанія (религіи и науки) по даннымъ языка.

(Замѣтки по поводу „*Θεοδιцеи*“ свящ. Павла **Флоренскаго** „*Столпъ и Утвержденіе Истины*. Опытъ православной *Θεοδιцеи* въ 12 письмахъ“. Москва, 1914 г., с. 809. Ц. 3 р. 50 к.).

(Продолженіе *).

„Письмо“, о которомъ мы выше говорили, необыкновенно многообразно, многогранно и при этомъ столь тонкой отдѣлки въ виду тонкости самаго вопроса, что передать его почти невозможно, не слѣдуя по пятамъ за филиграннымъ художникомъ, а межъ тѣмъ замѣтки мои разрослись; поэтому ограничусь лишь главнѣйшими выводами.

Въ духоносной личности святого „открыта намъ для созерцанія прекрасная первозданная тварь; для созерцанія святого обнажается отъ своего растлѣнія первозданная тварь: церковность есть красота новой жизни въ Безусловной Красотѣ,—въ Духѣ Святомъ“¹⁾.

— „Духовность есть предѣлъ тварной красоты; красота приближается къ этому своему предѣлу... по мѣрѣ внѣдрѣнія въ міръ божественный: красота отъ пріобщенія дольняго горнему, самостоятельна же лишь красота горняго. Можно написать такую нисходящую скалу ступеней красоты: Само—красота или Утѣшитель Духоносный духовный прекрасный красивый пригожій изящный недурной хорошенькій и т. п. ²⁾).

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 22 за 1914 г.

¹⁾ *Ib.*, 321.

²⁾ *Ibid.*, 751—2.

Таковъ фактъ. Какова же его объективная природа?— „Каждая монада (Я) лишь постольку существуетъ, поскольку допускаетъ до себя любовь Божественную, ибо Имъ—Богомъ—мы живемъ и движемся и существуемъ“. Только этою любовью „монада становится полнымъ содержанія актомъ, связывающимъ я съ Я (я=Я), т. е. органомъ единого Существа“¹⁾. „Цѣльность личности—цѣльность всей твари“, а каждое отдѣльное лицо есть „членъ единого организма—Церкви“²⁾. „Это единое Великое Существо и есть осуществленная Мудрость Божія... Софія или Премудрость“³⁾.

(Собственно въ греческомъ словѣ *Σοφία*), обычно переводимомъ какъ „мудрость, премудрость, разумъ, знаніе, наука и т. п.,—есть вполне опредѣленное указаніе на творчество, на художество, на зиждительство, такъ что это слово слѣдовало бы передавать скорѣе—зиждительница, художница мастерица,—что и есть въ русскомъ пониманіи—въ иконописи русской, у Гомера и Гезіода *σοφία* употреблена въ смыслѣ техническаго знанія, т. е. способности воплощать нѣкоторый замыселъ въ дѣйствительности.

— „Софія есть Великій Корень цѣлокупной твари... которымъ тварь уходитъ во внутри—Троичную жизнь и черезъ который она получаетъ себѣ жизнь Вѣчную отъ Единственнаго Источника Жизни; Софія есть первозданное естество твари, творческая Любовь Божія, которая излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ; поэтому истиннымъ Я обоженнаго, „сердцемъ“ его является именно Любовь Божія, подобно тому какъ и Сущность Божества—внутри—Троичная Любовь... Въ отношеніи къ твари Софія есть Ангелъ Хранитель твари, Идеальная личность міра. Образующій разумъ въ отношеніи къ твари, она—образуемое содержаніе Бога—Разума, „психическое содержаніе“ Его, вѣчно творимое Отцомъ черезъ Сына и завершаемое въ Духѣ Святомъ! Богъ мыслить вещами.—Поэтому, *существовать—это значитъ быть мыслимымъ, быть памятуемымъ или, наконецъ, быть познаваемымъ Богомъ. Кого „знаетъ“ Богъ, тѣ и обладаютъ реальностью“*⁴⁾.

¹⁾ Ibid., 325.

²⁾ Ibid. 752.

³⁾ Ibid. 326.

⁴⁾ Ib. 326—7.

Эта вѣчная память—есть покой (т. е. собственно—жизнь, лице, домъ)—на небѣ, послѣ того какъ рушится „земная храмина“ его.

— „Премудрость имѣетъ себя лишь въ Источной премудрости Божіей—въ Сынѣ, и это Материнство—лишь въ Источномъ Родительствѣ,—во Отцѣ. Пронизанная Троичною Любовью, Софія религіозно,—неразсудочно—почти сливается со Словомъ и Духомъ и Отцомъ, какъ съ Премудростью и Царствомъ и Родительствомъ Божіимъ; но разсудочно она есть совсѣмъ иное нежели каждая изъ этихъ Упостасей“¹⁾.

— „Идея о предусуществующей міру Софіи—Премудрости, о Горнемъ Іерусалимѣ, о Церкви въ ея небесномъ аспектѣ или о Царствѣ Божіемъ, какъ объ Идеальной Личности Твари или объ Ангелѣ-Хранителѣ ея,—или еще, какъ объ Упостасной Системѣ міротворческихъ мыслей Божіихъ и Истинномъ Полюсѣ и Нетлѣнномъ Моментѣ тварнаго бытія—идея эта въ изобиліи разсѣяна по всему Писанію и въ твореніяхъ отеческихъ“²⁾.

— „Подъ угломъ зрѣнія Упостаси Отчей Софія есть *идеальная субстанція, основа твари*, мощь или сила бытія ея; если мы обратимся къ Упостаси Слова, то Софія—*разумъ твари, смыслъ, истина* или правда ея; и, наконецъ, съ точки зрѣнія Упостаси Духа мы имѣемъ въ Софіи *духовность твари, святость, чистоту и непорочность ея т. е. Красоту*“³⁾.

— „Если Софія есть вся тварь (—„начатокъ и центръ искупленной твари,—Тѣло Господа Іисуса Христа, т. е. тварное естество, воспринятое Божественнымъ Словомъ“—), то душа и совѣсть твари,—человѣчество,—есть Софія по преимуществу. Если Софія есть все человѣчество, то душа и совѣсть человѣчества,—Церковь,—есть Софія по преимуществу. Если Софія есть Церковь, то душа и совѣсть Церкви,—Церковь Святыхъ есть Софія по преимуществу. Если Софія есть Церковь Святыхъ, то душа и совѣсть Ц. С.,—Ходатаица и заступница за тварь предъ Словомъ Божіимъ, судящимъ тварь и разсѣкающимъ ее на-двое, Матерь Божія,—„міру Очистилице“,—опять таки есть Софія по преимуществу. Но истиннымъ знаменіемъ Маріи Благодатной является

¹⁾ Ib. 331—2.

²⁾ Ib. 332.

³⁾ Ib. 349.

Дѣвство Ея, Красота души Ея. Это и есть Софія¹⁾.—Вѣдь дѣвственность, непорочность—„вся суть церковности: дѣвственность—это и есть церковность“. Всѣ Иконы Богоматери, такъ называемыя „явленные“ (ознаменованныя чудесами, т. е. какъ бы получившія одобреніе и утвержденіе отъ Самой Дѣвы), отражаютъ множество отдѣльныхъ аспектовъ софійной красоты Дѣвы Маріи. „Подлинное религіозное творчество, исходящее изъ души народа“ отразилось во многочисленныхъ вариантахъ иконы „Софіи Премудрости Божіей“ (замѣчательную „повѣсть“ о коей находимъ у о. Павла на цѣломъ рядѣ страницъ этого „письма“). „Занятая богословскою спекуляціею, Византія воспринимала со стороны ея спекулятивно-догматическаго созерцанія. Софія, въ пониманіи грековъ, по преимуществу предметъ созерцанія. Наши же предки, воспринявъ отъ Византіи готовыя догматическія формулы, примѣнились душою къ подвигу и къ непорочности, возлюбили чистоту и святость отдѣльной души. И тогда Софія повернулась къ ихъ сознанію другою своею гранью, аспектомъ цѣломудрія и дѣвственности, аспектомъ духовнаго совершенства и внутренней красоты. Наконецъ, наши современники, мечтая о единствѣ всей твари въ Богѣ, всю мысль устремили къ идеѣ мистической Церкви. И Софія повернулась къ нимъ своею третьею гранью—аспектомъ Церкви... Чѣмъ же теперь является Софія?—Софія—это память Божія, въ священныхъ нѣдрахъ которой есть все, что есть, и вѣкъ которой—Смерть и Безуміе“²⁾.

— Предъ нами прошли основные мотивы, на которыхъ построена вся книга о. Павла: „Догматъ единосущія Троицы, идея обоженія плоти, требованія аскетизма, чаяніе Духа Утѣшителя и признаніе за тварью премірнаго нетлѣннаго значенія“³⁾.

— „Софія—эта истинная Тварь или тварь во Истинѣ,—является предварительно какъ намекъ на преображенный одухотворенный міръ, какъ незримое для другихъ явленіе горняго въ дольнемъ. Это откровеніе совершается въ личной, искренней любви двухъ,—въ дружбѣ, когда любящему дается предварительно, безъ подвига, нарушеніе самотождества,

¹⁾ Пб. 350—1.

²⁾ Пб., 389—90.

³⁾ Пб. 398.

снятіе граней Я, выходженіе изъ себя и обрѣтеніе своего Я въ Я другого,—Друга.—*Дружба, какъ таинственное рожденіе Ты, есть та среда, въ которой начинается откровеніе Истины*“¹⁾).

Какъ же осуществляется этотъ таинственный процессъ?—„Тадуховная дѣятельность, въ которой и посредствомъ которой дается вѣдѣніе Столпа Истины, есть *любовь благодатная*“—въ очищенномъ долгимъ подвигомъ сознаніи. Эта любовь „пріоткрываетъ ему двери горнихъ міровъ, и тогда вѣетъ оттуда прохладою рая“; теперь душа вольна выбрать путь грѣховный, раздѣдающій личность, или „украшать себя горнею красотою“.—„За моментомъ Эроса,—въ Платоновскомъ значеніи слова,—открывается въ душѣ *φιλία*,—*высшая точка земли и мостикъ къ небу*... Тутъ ему дается *предварительное единосущіе и, слѣдовательно, предварительное вѣдѣніе Истины. На эту-то вершину человѣческаго чувства и спускается небесная благодать той любви*“²⁾).

Въ греко-римскомъ мірѣ философскомъ этотъ вопросъ горячо и долго занималъ умы и сердца, потому и въ языкѣ греческомъ наиболѣе создано тонкихъ и характерныхъ отличій для разныхъ видовъ „любви“. На этой подготовленной въ языкѣ почвѣ Евангельское міропониманіе взрастило еще новые благоуханные цвѣты, особенно ярко видные въ греческомъ текстѣ. Отсюда явилась возможность дружбы—предваренія на землѣ Богопознанія реальнаго—въ христіанскомъ смыслѣ.

Четыре глагола—*εἶναι*, *φιλεῖν*, *στέργειν* и *ἀγαπᾶν*—оттѣняютъ въ словѣ различныя стороны чувства любви; изъ нихъ лишь *στέργειν* относится къ чувству родовому,—спокойному, непрерывному въ глуби любящаго, нерасторгаемому даже зломъ,—нѣжную привязанность родителей къ дѣтямъ, мужа къ женѣ, гражданина къ отечеству. Остальные—передаютъ оттѣнки личнаго чувства: *ἐρᾶν* (*ἔρως*) выражаетъ любовь—страсть (въ томъ числѣ и чувственную), ея паѳосъ,—стремительную, порывистую любовь ощущенія; *φιλεῖν* (*φιλία*)—ближе всего къ нашему „любить“ въ его общемъ значеніи, выражая внутреннюю склонность къ лицу, выросшую изъ задушевной общности и близости лицъ, стоящихъ въ какихъ либо вну-

¹⁾ Ib. 391—2.

²⁾ Ib. 395—6.

тренне-близкихъ отношеніяхъ (отсюда частное значеніе φιλεῖν—цѣловать). Это любовь непосредственная, проникновеніе въ самого человѣка, задушевная, не разсудочная, но и не страстная, выражающая близость личную, нутряную,—любовь внутренняго признанія, личнаго прозрѣнія, пріязнь. Ἀγαπᾶν (ἀγαπή)—отмѣчаетъ любовь разсудочную, конечно—не страстную, не горячую и нѣжную, но основанную на оцѣнкѣ любимаго, окрашенную морально, любовь—какъ направленіе воли, опредѣляемой разсудкомъ, свободное избраніе.—Однако ни одно изъ этихъ словъ, ни попытка объединить всѣ три оттѣнка личной любви—въ видѣ φιλοφροσύνη—не передаютъ содержанія того, что вложено въ „Дружбу“ Θεοδιцеи. Ближе всего—φιλεῖν—если принять его оттѣнки: φίλος происходитъ отъ мѣстоименнаго корня, близкаго къ русскому „свой“: производныя отъ той же основы: Φῆται (гомеровское)—знаемые (всѣ, кого я знаю, весь кругъ знакомыхъ); ἑταῖροι—союзники, имѣющіе общее предпріятіе, сходно съ старин. русское „товарь“ (товарищъ, товарищъ)—защитникъ, защита, крѣпость; это—друзья случая, временно связанные, сопартійные политическіе союзники; φίλος—другъ личный, вѣрный до конца и во всемъ товарищъ,—связь внутренне—необходимая и духовная, и, наконецъ,—ἰδιος—свой собственный—въ противоположность тому, что намъ обще съ другими, своеобразный, личный, имѣющій свою природу. Но и съ этими оттѣнками „φίλος“ не равно „другъ“. Да оно такъ и должно быть: всякій народъ въ языкѣ своемъ, по-своему, своимъ содержаніемъ, своимъ пониманіемъ наполняетъ и оживляетъ слова. Такъ христіанское міропониманіе одухотворило ихъ и насытило идею благодатной Божественной любви, при чемъ внутренняя энергія слова стала обратно пропорціональной той человѣческой энергіи, которая связывалась со словомъ въ языкѣ классическомъ... Слова ἐρᾶν, ἐρως почти исключены изъ книгъ Ветхаго Завѣта и вовсе не допущены въ книги Новаго Завѣта (—лишь иногда въ писаніяхъ подвижниковъ—мистиковъ встрѣчаются для означенія высшей любви къ Богу—)... Φιλεῖν... одухотворилось и стало выражать христіанскія отношенія любви, опирающіяся на личную склонность и личное общеніе.—И, наконецъ, беззавѣтное и сухое ἀγαπᾶν наполнилось духовною жизнью... ἀγαπή стало выражать проникновенную, вселенскую любовь,—

любовь высшей духовной свободы.—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *φιλεῖν* и *ἀγαπᾶν* почти взаимно замѣнимы; въ другихъ же—они дифференцируются: о заповѣди любви къ Богу и ближнимъ... о любви къ врагамъ—только *ἀγαπᾶν*... Объ интимно-личной любви Господа къ Лазарю, равно какъ и объ отношеніяхъ Его къ Любимому Ученику попеременно *φιλεῖν* и *ἀγαπᾶν*... Послѣднее въ Новозавѣтномъ языкѣ ставится всюду, гдѣ рѣчь о направленіи воли, „гдѣ склонность покоится на рѣшеніи воли, на выборѣ объекта любви“ ¹⁾.

На ясномъ различеніи этихъ двухъ синонимическихъ словъ любви совершенно опредѣленно устанавливается напр., сущность бесѣды Господа съ Петромъ (по поводу отреченія послѣдняго),—на которой католичество опираетъ свои притязанія, въ которой даже нерѣдко въ православіи усматривается возстановленіе Петра въ якобы утраченномъ—въ силу отреченія—апостольскомъ достоинствѣ, и которая, однако, не догматическаго характера, а касается лишь личной судьбы и жизни Апостола (почему вся 21-я глава и вынесена Евангелистомъ за общую раму изложенія).—Здѣсь на двукратный вопросъ Господа: *ἀγαπᾷς με* (т. е. тонкій укоръ въ видѣ вопроса о любви лишь общечеловѣческой, а не дружеской, укоръ, быть можетъ, не подмѣчаемый Петромъ), апостолъ два раза настойчиво говоритъ: „*Φιλῶ σε*“ (т. е. „да, я другъ Тебѣ“). Только на третій вопросъ Господа, скорѣе всего тономъ укора и недовѣрія, „*Φιλεῖς με*?“ (т. е. „неужели ты другъ Мнѣ?“), Апостолъ, огорченный, даетъ отвѣтъ, въ которомъ ухо улавливаетъ прерывающія слезы: „Господи! все Ты знаешь, Ты знаешь, что я—другъ Тебѣ“.

„Что же касается до *ἀγάπη*—слова, какъ сказано, вполне чуждаго внѣ—библейскому, древнему свѣтскому языку, то оно обозначаетъ такую любовь, которая чрезъ рѣшеніе воли избираетъ себѣ свой объектъ, такъ что дѣлается самоотрицающимъ и сострадательнымъ отданіемъ себя для и ради него. Таковая, жертвенная любовь на свѣтской почвѣ извѣстна лишь какъ порывъ, какъ нездѣшное дуновение, но не какъ опредѣленіе жизненной дѣятельности. Этимъ то библейская *ἀγάπη* являетъ себя съ чертами не человѣческими и условными, а божескими и абсолютными.

¹⁾ Ib. 403.

— „Четверица словъ любви—это одна изъ великихъ драгоценностей сокровищницы эллинскаго языка, и едва ли можно однимъ взглядомъ охватить весь кругъ преимуществъ доставляемыхъ жизне-пониманію этимъ совершеннымъ орудіемъ“. ¹⁾ — И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь намѣчены основныя скрѣпы общества: для античнаго черезъ *ἔρως*—силу личную и *στοργή*—начало родовое; для христіанскаго—черезъ *φιλία*—въ области личной и *ἀγάπη*—общественной.—„Стоитъ прочесть непосредственно одинъ за другимъ три діалога, подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ—„Пиръ“, Ксенофонта, Платона и св. Меѳодія Олимпійскаго,—чтобы это облагороженіе и одухотвореніе понятій любви выступило съ удивительной пластичностью... Можно сказать, что всѣ три діалога—этажи одного дома, построенные на разныхъ высотахъ, но имѣющіе приблизительно тождественное расположеніе комнатъ:—жизнь животная... жизнь человѣческая... жизнь ангельская“. ²⁾

— „Агапическая сторона христіанскаго общества... завершается... со вкушеніемъ Пречистаго Тѣла и Честной Крови... филическая же воплощается въ отношеніяхъ дружбы, расцвѣтъ свой находящихъ въ сакраментальномъ брато-твореніи (см. ниже особую часть, посвященную церковному чину брато-творенія) и со-вкушеніи св. Евхаристіи и питающихся этимъ вкушеніемъ для со-подвижничества, со-терпѣнія и со-мученичества.—Обѣ стороны церковной жизни... братство и дружество, во многомъ протекаютъ параллельно.. Въ вершинахъ своихъ обѣ струи... стремятся даже совѣмъ слиться; это и понятно, ибо пріобщеніе ко Христу черезъ таинство Св. Евхаристіи есть источникъ всякой духовности. Но, тѣмъ не менѣе, онѣ несводимы другъ на друга; каждая по-своему необходима въ церковной экономіи... Для христіанина всякій человѣкъ—ближній, но вовсе не всякій—другъ. И врагъ, и ненавистникъ, и клеветникъ,—все же ближній, но даже и любящій,—не всегда другъ, ибо

¹⁾ Ib. 406. Другіе языки скудны понятіями любви, откуда—„безконечныя и бесполезныя пренія и тренія“, а равно—„потребность выдумать хотя бы суррогатъ эллинской четверицы, т. е. при помощи нѣсколькихъ словъ создать терминъ равносильный греческому одному слову“. (Ib.)

²⁾ Ib. 410.

отношенія дружбы глубоко индивидуальны и исключительны... Иисусъ Христосъ называетъ апостоловъ своими „друзьями“ лишь предъ разставаніемъ съ ними, совсѣмъ на порогѣ своей крестной муки и смерти“. ¹⁾—„Чтобы ко всѣмъ относиться, какъ къ самому себѣ, надо хоть въ одномъ *видѣть* себя, осозать самого себя, необходимо воспринимать въ этомъ одномъ уже осуществленную—хотя бы и частично—побѣду надъ самостью. Такимъ однимъ и является Другъ, агапическая любовь къ которому есть слѣдствіе филической любви къ нему...

Чтобы дружба имѣла глубину,... необходима агапическая любовь къ братьямъ ²⁾. „Антиномія“ *ἀντινομία*—полностью впервые открылась въ Евангеліи“. ³⁾... Предѣлъ дробленія... молекула общинная—пара друзей—антиномія личности—двоицы... „Двое“—это новое соединеніе химіи духа, когда „одинъ, да одинъ“ (опара“ притчи) преобразуются качественно и образуютъ третье („вскисшее тѣсто“ ⁴⁾).—„Сопрошеніе двухъ, согласившихся во всякой вещи на землѣ... (достигшихъ едино—сущія другъ другу) всегда исполняется.. потому что *собранность двухъ или трехъ во имя Христово*, со—вхожденіе людей въ таинственную духовную атмосферу около Христа, пріобщеніе Его благодатной силы, *претворяетъ ихъ въ новую духовную сущность, дѣлаетъ изъ двухъ частицу Тѣла Христова, живое воплощеніе Церкви, воцерковляетъ ихъ*. Понятно, что тогда—и Христосъ „посреди нихъ“.—Онъ посреди нихъ, какъ душа „посреди каждого члена одушевляемаго ею тѣла. Но Христосъ едино—сущень Отцу Своему, и поэтому Отецъ дѣлаетъ то, о чемъ просить Сынъ“ ⁵⁾.

— „Мистическое единство двухъ есть условіе вѣдѣнія и, значить, явленіе дающаго это вѣдѣніе Духа Истины“. ⁶⁾

„Пріятіе (откуда и „пріятель“—„пріятный“ т. е. охотно пріемлемый, принимаемый) въ душу дружескаго Я сливается во—едино два раздѣльныхъ потока жизни. Это жиз-

¹⁾ Ib. 411—2.

²⁾ Ib. 412—3.

³⁾ Ib. 417.

⁴⁾ Ib. 419—420.

⁵⁾ Ib. 421—2.

⁶⁾ Ib. 430.

ненное единство получается не какъ порабощеніе одной личности другою, и, даже не какъ сознательное рабство одной личности предъ другою. Дружеское единство нельзя тоже назвать уступкою, уступчивостью. Это именно единство¹⁾. Это „вовсе не медіумическое взаимо-обладаніе личностей, не погруженіе ихъ въ безличную и безразличную, а потому и несвободную—стихію обоихъ. Оно—не раствореніе индивидуальности, не приниженіе ея, а подъемъ ея, сгущеніе, укрѣпленіе и углубленіе“²⁾.

— „Нельзя обмануть повседневною жизнью, и истинная проба подлинности души—черезъ жизнь вмѣстѣ, въ дружеской любви. Тотъ или другой актъ героизма можетъ совершить всякій; интереснымъ можетъ быть всякій; но такъ улыбнуться, такъ сказать, такъ утѣшить, какъ дѣлаетъ это другъ мой, можетъ лишь онъ одинъ и никто болѣе... Дружба—это видѣніе себя глазами другого, но передъ лицомъ третьяго, и именно Третьяго... Если тезисъ дружбы есть тождество и подобіе, то ея антитезисъ—не тождество и не подобіе“³⁾. „Вѣрность разъ завязавшейся дружбы, строгая, какъ неразрывность брака, твердость до конца, до „кровей мученическихъ“,—таковъ основной завѣтъ дружбы, и въ соблюденіи его—вся сила его... Кто порвалъ одни, тотъ порветъ и другія“. ⁴⁾ „Чѣмъ больше дружбы,—тѣмъ больше слезъ, а чѣмъ больше слезъ—тѣмъ больше дружбы... Существуютъ зерна, которыя прорастаютъ въ нашей душѣ только подъ дождемъ слезъ, пролитыхъ изъ-за насъ; а межъ тѣмъ эти зерна приносятъ прекрасные „цвѣты“ и цѣлительные плоды. И я не знаю, рѣшился бы я полюбить человѣка, который никого не заставилъ плакать“. ⁵⁾

Итакъ, глубочайшая, несказанная любовь, создающая единосущіе друзей—филическое начало церковной жизни, а такъ какъ въ Церкви нѣтъ „Privatsache“, то вмѣстѣ съ тѣмъ—и агапической.

— Что же обезпечиваетъ несліянность явленій разнородныхъ, что поддерживаетъ равновѣсіе началъ особливаго

¹⁾ Ib. 433.

²⁾ Ib. 435.

³⁾ Ib. 438—9

⁴⁾ Ib. 445.

⁵⁾ Ib.

и общаго?—„Разъ для cadaго члена другъ брата долженъ быть другомъ брата, но лишь другомъ брата, а не просто другомъ всякому, то необходимо должна быть и сила, которая устрояетъ и поддерживаетъ индивидуальность дружескаго союза... Наряду съ силою *центро-бѣжной* должна быть и сила *центро-стремительная*. Сила эта—ревность и произведение ея — обособленіе, ограниченіе, расчлененіе. Если бы не было ея, то не было бы конкретной церковной жизни, съ ея опредѣленнымъ строемъ, а было бы протестантское, коммунистическое, анархическое, толстовское и т. д. смѣшеніе всего со всѣмъ,—полная безвидность и хаосъ. Сила ревности жива и въ дружбѣ и въ бракѣ, и въ общинѣ—приходѣ и въ монастырѣ—киновіи, и въ епископії—епархії, и въ помѣстной церкви,—всюду (—„не даромъ вѣдь по канонамъ отношеніе епископа и священника къ паствѣ разсматривается какъ отношеніе брачное, а посвященіе—какъ бракосочетаніе“—). Всюду требуется опредѣленность связей и постоянство союзовъ, будь то съ другомъ, съ супругою, со старцемъ, съ пастыремъ, съ епископомъ, съ митрополитомъ, съ патріархомъ, т. е. всюду должна быть не только любовь, но—и ревность,—къ другу, къ супругѣ, къ паствѣ, къ братіи, къ епархії, къ помѣстной церкви“¹⁾.

Что же такое ревность?—„Въ ходячемъ, интеллигентскомъ словоупотребленіи ревность понимается какъ *порокъ*, или, по крайней мѣрѣ, какъ безспорный нравственный *недостатокъ*,—нѣчто постыдное и достойное осмѣянія. Въ основѣ ревности интеллигенціей принято усматривать и гордость, и тщеславіе и самолюбіе, и подозрительность и недоувѣріе, и мнительность—словомъ, все что угодно, но *только не какое-либо моральное преимущество*“²⁾.

Вотъ—яркій, рѣзкій примѣръ того, гдѣ, какъ и почему слово „оношливается“ (—по немъ пошло, походило много людей—въ грязныхъ, пыльных сапогахъ—эта пыль—грязь осѣла и заслонила, закрыла тѣнью его свѣтотыя стороны—); „специализируется“ пониманіе широкаго значенія слова, разъ оно попадаетъ въ среду узкаго круга лицъ, а особенно съ предвзятыми (въ широкомъ смыслѣ), партійными взглядами.—Вѣдь въ Книгѣ Книгъ очень часто и настойчиво рев-

¹⁾ Ib. 462—3.

²⁾ Ib. 464—5.

ность приписывается Богу, тогда какъ „ни при какихъ аноморфизмахъ Богу не приписывается грѣха, или похоти, или лжи. Значить, въ истокѣ своемъ ревность носитъ нѣчто святое. Да и ни въ одномъ языкѣ, въ его живомъ, не пре-парированномъ для спеціальныхъ цѣлей (—„кухонная латынь“—), пониманіи нѣтъ ревности въ нашемъ „пошломъ“ значеніи. Обще-семитскій корень „кн“ и происходящія от-туда слова—напр., въ древне-еврейскомъ „кин’а“ (=рвеніе—ревность) чуждѣ оттѣнка „ревнивецъ“; другой корень „шк’д“—откуда древне-еврейское „шекида“—еще дальше отстоятъ: „уважать, почитать, цѣнить что“.—Греческое ζήλος (—ζᾶλος—)=пылъ, рвеніе; ненависть; лишь позднѣе, сравнительно рѣдко (—а вѣдь греки—„самый ревнивый народъ“)—ревнивость. Латинское zelotypia заимствовано съ греческаго: въ его основахъ отношеній къ Богу не было данныхъ для этого понятія,—оно и въ жизни—языкѣ не бытуетъ.—Русское понятіе *ревности* въ основѣ характеризуется какъ сила, напряженіе (отнюдь не страхъ, ненависть, зависть): черезъ старославянскую форму „ръв-ьн-ивъ“ (=рус. „ревнивъ“) тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ семейству словъ: рвеніе, ревностный, ревнитель—роднящихся съ „рвать, рваться“ къ чему-либо, т. е. съ силою стремиться къ чему-нибудь („имѣть ревность=имѣть рвеніе; ревновать—поревновать чего—„знаній, небеснаго царства“; ревновать—соревновать кому („ревнуйте нашему примѣру“). Значить, вслѣдъ за Далемъ, можно твердо, рѣшительно сказать, что „ревность“ прежде всего есть „горячее усердіе, стремленіе“—и преимущественно къ дѣлу („ревность по службѣ, ревность къ службѣ, ревность не по разуму“), а „ревностный“,—самый усердный, прилежный, предавшійся дѣлу всей душою („ревностный поборникъ правды или за правду“).—Въ истокѣ всѣхъ такихъ пониманій—„ревность о Господѣ“, и христіанское пониманіе считаетъ таковую положительною Богодарованною силою, „псомъ и хранителемъ Закона Божія“, другою стороною Любви—это основы, опоры Личности. Для этого пониманія любви къ вещи быть не можетъ (лишь вождельніе, похоть, стремленіе обладать ею какъ „собственностью“).

Естественно, что въ міропониманіи не религіозномъ не можетъ быть и личности—образа Божія, не можетъ быть и понятія любви—ревности, какъ сущности личности; здѣсь

личность и вещь не имѣютъ различенія въ суженномъ сознаніи, а потому смѣшаны нераздѣлимо и любовь съ вождѣлѣніемъ.—Вполнѣ понятно, что такъ называемый „интеллигентскій“ взглядъ на ревность особенно свойственъ тому вѣку, который былъ революціонно-интеллигентскимъ по преимуществу,—XVIII-му; и осуждается ревность въ особенности въ томъ мѣстѣ, гдѣ просвѣтительная разсудочность царила нетерпимѣ всего,—въ Парижѣ“¹⁾.

Въ философской литературѣ понятіе ревности загнано на задворки,—рѣдко кто туда заглядываетъ. У Спинозы житейское пониманіе ревности нашло себѣ чеканную формулировку: „Любовь, полная ненависти къ любимому предмету и зависти къ другому, пользующемуся любовью перваго“, причемъ онъ углубляетъ понятіе, пользуясь образомъ смѣшенія двухъ жидкостей, мутнѣющихъ при проникновеніи одной въ другую: „Любовь и ненависть“ смѣшиваясь, образуютъ fluctuatio—„струеніе“ души, вслѣдствіе чего сознаніе мутнѣетъ и дѣлается непрозрачнымъ“²⁾ т. е. ревность—не наростъ лишь безобразный, а непремѣнный спутникъ любви, ея тѣнь, при измѣнѣ, при поворотѣ отношеній къ худшему; но все же ревность лишь эквивалентъ любви и у него, нѣчто инородное любви, хотя и причинно съ него связанное,—нѣчто предосудительное, согласно съ безжизненнымъ, вещнымъ (лишеннымъ категоріи личности) характеромъ философіи Спинозы: на мѣстѣ любви, значить, у него должно стоять вождѣлѣніе, на мѣстѣ ревности—ненависть съ завистью,—подмѣна понятій невольная и неизбѣжная при раціонализмѣ.

— Межъ тѣмъ для христіанскаго міровоззрѣнія—*“ревность есть сама любовь но въ своемъ „ино-бытіи“... необходимое условіе и непремѣнная сторона любви,—но обращенная къ скорби,—такъ что желающій уничтожить ревность уничтожилъ бы и любовь*²⁾.

— „Ревность—одинъ изъ моментовъ Любви, основа любви, фонъ любви, первичная тѣма, изъ которой возсіяваетъ лучъ любви“³⁾.

„Непонятнымъ актомъ избранія личность сдѣлана единственной, призвана къ высочайшему, къ царственному сану

¹⁾ Ib. 465.

²⁾ Ib. 469.

³⁾ Ib. 470.

Ты (Другъ). Она согласилась на это избраніе... Теперь возникает рвеніе или ревность воплотить во времени свой яѣчный актъ избранія своего Ты... Это Ты вросло въ Я, сдѣлалось частью его. Разлюбить—это значить лишиться части своей, забыть—это значить отсѣчь отъ себя кусокъ живой плоти... *Любовь имѣетъ корнемъ своимъ святыню души и возможна лишь постольку, поскольку жива эта святыня. Оберегать жемчужину души—значитъ оберегать святую любовь; не радѣть (—не ревновать) о святынь своей значитъ не радѣть о любви“¹⁾.*

А вѣдь эта любовь двухъ—начало Церкви.—Значитъ, „стремленіе къ Столпу и Утвержденію истины осуществляется и сохраняется ревностью, этою для современнаго сознанія загнанною и презрѣнною силою нашего духа“²⁾.

А. Ветуховъ.

¹⁾ Ib. 473, 474.

²⁾ Ib. 482.